

СТИВЕН КИНГ

Мистер
Мерседес

Трилогия Билла Ходжеса

Стивен Кинг

Мистер Мерседес

«АСТ»

2014

Кинг С.

Мистер Мерседес / С. Кинг — «АСТ», 2014 — (Трилогия Билла Ходжеса)

Восемь убитых и пятнадцать раненых на счету бесследно исчезнувшего убийцы, протаранившего на «мерседесе» ни в чем не повинных людей... Стивен Кинг написал триллер, который заставит вас в ужасе оглядываться на каждый проезжающий мимо «мерседес» и совершенно по-другому смотреть на людей, с которыми вы сталкиваетесь каждый день. Кто знает, какие жуткие тайны скрываются за соседней дверью и кто именно хочет свести счеты именно с вами?..

© Кинг С., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Серый «мерседес»	6
Детпен	12
Под синим зонтом Дебби	52
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Стивен Кинг

Мистер Мерседес

Stephen King
MR. MERCEDES

© Stephen King, 2014

© Перевод. В. Вебер, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

С мыслями о Джеймсе М. Кейне

Из грузовика с сеном меня выбросили около полудня...¹

¹ Начальная фраза романа «Почтальон всегда звонит дважды» Джеймса М. Кейна. – Здесь и далее примеч. пер.

Серый «мерседес»

9–10 апреля 2009 г.

Оги Оденкерк обычно ездил на «датсуне» 1997 года выпуска, который, несмотря на большой пробег, никаких хлопот по части ремонта ему не доставлял, но бензин стоил дорого, особенно для безработного. Городской центр находился в дальней части мегаполиса, поэтому Оги решил воспользоваться последним автобусом. Вышел из него в двадцать минут двенадцатого, с рюкзаком за плечами и скатанным спальником под мышкой. Подумал, что в три часа утра похвалит себя за пуховый спальник. Ночь выдалась туманной и холодной.

– Удачи, парень, – пожелал водитель, когда Оги выходил из автобуса. – Ты должен что-нибудь получить хотя бы за то, что будешь первым.

Только первым не вышло. Добравшись до гребня широкой, круто поднимающейся дороги, которая вела к Городскому центру, Оги увидел у дверей большого зала Центра не меньше двух десятков человек: кто-то сидел, другие стояли. Стойки, соединенные желтыми лентами с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ», уже расставили, создав сложный, петляющий проход, похожий на лабиринт. Оги с подобным уже сталкивался, как в кинотеатрах, так и в банке (где он в настоящий момент превысил лимит по кредитной карточке), и понимал, зачем это нужно: чтобы разместить как можно больше людей в ограниченном пространстве.

Оказавшись в конце состоявшей из соискателей очереди, которой скоро предстояло превратиться в анаконду, Оги удивился и смутился, увидев, что перед ним женщина с младенцем, спящим в слинге. Щеки младенца покраснели от температуры, в каждом вдохе слышался хрип.

Женщина услышала приближение запыхавшегося Оги и обернулась. Молодая и симпатичная, несмотря на темные мешки под глазами. У ее ног стояла стеганая сумка. Наверняка с детскими вещами, предположил Оги.

– Привет, – поздоровалась она. – Добро пожаловать в Клуб ранних пташек.

– Надеюсь, нам удастся ухватить червячка. – Не долго думая, он протянул руку. Почему нет? – Огаст Оденкерк. Оги. Недавно уценен. В двадцать первом веке это означает, что меня турнули с работы.

Она пожала его руку. Крепко, твердо, без всякой застенчивости.

– Я Дженис Крей, а эта маленькая котомка радости – Патти. Наверное, я тоже уценена. Работала прислужкой в одной милой семье в Шугар-Хайтс. Он... гм... ему принадлежал автомобильный салон.

Оги поморщился.

Дженис кивнула:

– Я знаю. Он сказал, что очень сожалеет, отпуская меня, но они должны потуже затянуть пояса.

– Такое здесь сплошь и рядом, – ответил Оги, подумав: *Неужели она никого не смогла найти, чтобы посидели с ребенком? Неужели никого?*

– Мне пришлось взять ее с собой. – Ей не требовалось уметь читать мысли, чтобы догадаться, о чем он думает. – Ни с кем не смогла оставить. Просто не с кем. Девушка, которая живет по соседству, не осталась бы на всю ночь, даже если бы я могла заплатить, а я не могу. Если не получу работу, просто не знаю, что мы будем делать.

– Ваши родители не могли ее взять? – спросил Оги.

– Они живут в Вермонте. Будь я поумнее, отвезла бы Патти туда. Там хорошо. Только у них свои проблемы. Папа говорит, что их дом ушел под воду. Не в прямом смысле, его не затопило или что-то в этом роде, а по части финансов.

Оги кивнул. Такое тоже случалось сплошь и рядом.

Несколько автомобилей поднялись по крутому склону со стороны Мальборо-стрит, где Оги вышел из автобуса. Повернули налево, на огромную и пока еще пустую равнину автостоянки, которая, Оги знал наверняка, заполнится к рассвету... задолго до открытия Первой ежегодной городской ярмарки вакансий. Все автомобили сошли с конвейера давным-давно. Из каждого вылезло по три-четыре соискателя, направившихся к дверям зала Городского центра. Оги давно уже не замыкал очередь. Она почти добралась до первого изгиба, образованного стойками и лентой.

– Если я получу работу, то смогу нанимать няню, – продолжила Дженис. – Но не на эту ночь. Ее нам с Патти придется провести здесь.

Малышка сухо закашлялась, встревожив Оги, шевельнулась в слинге, снова затихла. По крайней мере девочку тепло одели: даже на ручках крохотные варежки.

Детям и похуже приходится, без должной уверенности сказал себе Оги. Подумал о Пыльном котле, Великой депрессии. Что ж, этот кризис для него тоже тянул на великий. Два года назад он ни на что не жаловался. Разумеется, жил не на широкую ногу, но концы с концами сводил, и почти каждый месяц удавалось немного откладывать. Теперь все полетело в тартарары. С деньгами что-то произошло. Он этого не понимал, работал в экспедиционном отделе «Грейт лейкс транспорт» – офисный планктон, ничего больше, – занимался накладными и использовал компьютер только затем, чтобы отправить грузы кораблем, поездом или по воздуху.

– Люди увидят меня с ребенком и подумают, что я безответственная, – тревожилась Дженис. – Я это знаю. Уже вижу на их лицах то, что прочитала на вашем. Но что еще мне оставалось? Даже если бы девушка-соседка смогла остаться на ночь, мне бы это обошлось в восемьдесят четыре доллара. *Восемьдесят четыре!* У меня отложены деньги на квартиру за следующий месяц, а больше нет ни цента. – Она улыбнулась, но в свете ярких натриевых фонарей автостоянки Оги увидел блестящие на ресницах слезы. – Я слишком много болтаю.

– Если вы пытаетесь извиниться, то это лишнее. – Очередь миновала первый изгиб и подошла к тому месту, где стоял Оги. И девушка говорила чистую правду. Многие глазели на малышку, спавшую в слинге.

– Да ладно. Я незамужняя мать-одиночка без работы. Хочу извиняться перед всеми и за все. – Она отвернулась и посмотрела на транспарант, натянутый над дверьми. «**1000 РАБОЧИХ МЕСТ ГАРАНТИРОВАНА!**» – гласила надпись большими буквами. «*Мы поддерживаем жителей нашего города!*» – сообщали буквы поменьше. Указали и автора цитаты, снова большими буквами: «**МЭР РАЛЬФ КИНСЛЕР**». – Иногда я хочу извиняться и за «Колумбайн», и за «девять-одиннадцать», и за Барри Бондса, принимавшего стероиды. – С ее губ сорвался истеричный смешок. – Иногда хочется извиняться даже за взрыв шаттла, но я только училась ходить, когда это произошло.

– Не волнуйтесь, – заверил ее Оги. – Все будет хорошо. – Это прозвучало вполне к месту.

– Жаль только, что так сыро, вот и все. Я ее тепло одела, на случай если действительно похолодает, но сырость... – Дженис покачала головой. – Мы прорвемся, правда, Патти? – Она одарила Оги беспомощной улыбкой. – Только бы дождь не пошел.

Дождь не пошел, но влажность увеличивалась, и вскоре они уже видели капельки, висевшие в ярком свете фонарей. В какой-то момент Оги осознал, что Дженис Крей спит стоя. Она чуть согнула одну ногу, ее плечи поникли, мокрые волосы прилипли к лицу, подбородок уткнулся в грудь. Оги посмотрел на часы: без четверти три.

Десятью минутами позже Патти Крей проснулась и заплакала. Ее мать (*Мать-одиночка*, подумал Оги) дернулась, всхрапнула, совсем как лошадь, подняла голову и попыталась вытащить малышку из слинга. Поначалу не получилось: ножки застряли. Оги пришел на помощь,

придержал слинг с боков. Когда Патти все-таки вытащили, она уже вопила, и Оги заметил капельки воды, поблескивавшие на ее розовой курточке и шапочке такого же цвета.

– Она голодна, – пояснила Дженис. – Я могу дать ей грудь, но малышка еще и мокрая. Я это чувствую через штанишки. Господи, здесь ее не переоденешь... Посмотри, какая морось.

Оги задался вопросом, какой божок-шутник привел его в очередь следом за ней. Да и как эта женщина намеревалась прожить оставшиеся ей годы – все, а не только следующие восемнадцать, которые предстояло заботиться о ребенке? Прийти сюда в такую ночь с одной лишь пачкой подгузников! Попасть в столь отчаянное положение!

Спальник он еще раньше пристроил рядом с сумкой, в которой лежали подгузники Патти. Оги присел, развязал тесемки, расстелил спальник, расстегнул молнию.

– Залезай в него. Согреетесь обе. Потом я передам тебе все, что потребуется.

Она всмотрелась в него, прижимая к груди извивающуюся, вопящую малышку.

– Ты женат, Оги?

– Разведен.

– Дети?

Он покачал головой.

– Почему ты так добр к нам?

– Потому что вы здесь, – ответил он, пожав плечами.

Она еще мгновение не отрывала от него взгляда, решаясь, потом передала ему малышку.

Оги держал ее на вытянутых руках, зачарованный красным, разъяренным личиком, капелькой сопли, повисшей на вздернутом носике, ножками во фланелевом комбинезоне, пребывающими в непрерывном движении. Дженис залезла в спальник, протянула руки.

– Давай ее сюда.

Оги отдал, и женщина уползла в спальник. Позади, там, где очередь уходила ко второму изгибу, двое молодых людей таращились на них.

– Увидели что-то интересное? – бросил Оги, и они отвернулись.

– Дашь мне подгузник? – спросила Дженис. – Я хочу переодеть ее перед кормлением.

Он опустил на колени на мокрую мостовую, расстегнул сумку. Удивился, найдя марлевые подгузники вместо памперсов, потом понял: марлевые могли использоваться снова и снова. Может, эту женщину не стоило совсем уж списывать со счетов.

– Тут бутылочка «Бэби мэджик». Достать?

Из спальника торчали только каштановые волосы.

– Да, пожалуйста.

Он передал подгузник и лосьон. Спальник зашевелился. Поначалу крики усилились. Откуда-то из терпящейся в тумане очереди донеслось:

– Неужели нельзя заткнуть ребенку рот?

Тут же послышался другой голос:

– Кто-нибудь, вызовите службу социальной защиты.

Оги ждал, наблюдая за спальным мешком. Наконец шевеления прекратились. Появилась рука с подгузником.

– Положишь в сумку? Там есть пластиковый мешок для грязных подгузников. – Дженис смотрела на него, как крот из норы. – Не волнуйся, он не испачкан, только мокрый.

Оги взял подгузник, положил в пластиковый мешок с надписью «КОСТКО», затем застегнул сумку на молнию. Плач из спального мешка (*Так много мешков*, подумал он) доносился еще с минуту, потом резко оборвался: Патти принялась сосать грудь на автостоянке у Городского центра. Над дверьми, до открытия которых оставалось шесть часов, от порыва ветра апатично колыхнулся транспарант с надписью «**1000 РАБОЧИХ МЕСТ ГАРАНТИРОВАН!**»

Конечно, подумал Оги. И СПИДом не заболеешь, если горстями жрать аскорбинку.

Прошло двадцать минут. Новые автомобили подъезжали со стороны Мальборо-стрит. Все больше людей присоединялось к очереди. Оги прикинул, что в ней уже стояло человек четыреста. И по самым скромным оценкам выходило, что к моменту открытия ярмарки вакансий здесь будет стоять две тысячи безработных.

Если мне предложат жарить бургеры в «Макдоналдсе», я соглашусь?

Вероятно.

Как насчет зазывалы в «Уол-марте»?

Наверняка. Широкая улыбка и вопрос: «Как поживаете сегодня?» Оги подумал, что за эту работу он бы схватился обеими руками. Помчался бы на смену прямо из Городского центра.

Общение с людьми – это мое, подумал он. И рассмеялся.

– Что смешного? – донеслось из спальника.

– Ничего, – ответил он. – Корми малышку.

– Этим я и занимаюсь. – В голосе Дженис слышалась улыбка.

В половине четвертого он присел, приподнял клапан спального мешка, заглянул внутрь. Дженис Крей, свернувшись калачиком, крепко спала с малышкой у груди. Ему сразу вспомнились «Гроздь гнева». Как звали девушку из романа? Ту, что кормила грудью мужчину? Имя-цветок, подумал он. Лилия? Нет. Жасмин? Точно нет. Он уже собрался сложить руки рупором у рта и громким голосом спросить толпу: «КТО ЗДЕСЬ ЧИТАЛ “ГРОЗДЬ ГНЕВА”?»

И когда поднимался (улыбаясь этой абсурдной мысли), имя выплыло из глубин памяти. Роза. Так звали девушку в «Гроздьях гнева». И не просто Роза, а Роза *Сарона*. В этом слышалось что-то библейское², но утверждать он не мог, поскольку не входил в число читателей Библии.

Оги посмотрел на спальный мешок, где собирался провести предрассветные часы, и подумал о Дженис Крей, которой хотелось извиниться за «Колумбайн», и за 9/11, и за Барри Бондса. Возможно, она согласилась бы извиниться и за глобальное потепление. Может, когда все закончится и они получают обещанную работу – или не получают, шансы примерно одинаковые, – он пригласит ее на завтрак. Не на свидание, ничего такого, просто на яичницу с беконом. А после этого они скорее всего больше никогда не увидятся.

Люди подходили и подходили. Очередь уже полностью заполнила изгибы лабиринта из лент с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ», а потом принялась растягиваться по автомобильной стоянке. Что удивляло – и тревожило – Оги, так это *молчание* всех этих людей. Словно они заранее знали, что их приход сюда – напрасный труд. И дожидались только официального подтверждения.

Послышался очередной хлопок транспаранта.

Туман все сгущался.

Около пяти утра Оги очнулся от полудремы, потопал, чтобы разбудить ноги, и осознал, что воздух пронизывает неприятный серый свет, разительно отличавшийся от «розовых пальчиков зари», которыми славилась поэзия и старые цветные фильмы. Он тянул на антизарию, влажную и такую же белую, как щека несвежего трупа.

Оги видел Городской центр, медленно выплывавший из ночи во всем великолепии архитектурной безвкусицы семидесятых годов прошлого века. Видел двенадцать рядов терпеливо ждущих людей, а хвост очереди уползал в туман. Почти все молчали, но появление уборщика в сером комбинезоне, который пересек вестибюль по другую сторону дверей, не осталось без внимания.

² «Я нарцисс Саронский, лилия долин» (Книга Песни песней Соломоновых, 2:1).

– На других планетах открыта жизнь! – насмешливо крикнул один из двух парней, которые таранились на Дженис Крей. Его звали Кит Фрайас, и в недалеком будущем он останется без левой руки.

Шутка вызвала смех, пошли разговоры. Ночь закончилась. Наползавший свет не сильно радовал, но оставшиеся позади долгие предрассветные часы были куда хуже.

Оги вновь опустился на колени у спальника и прислушался. Тихое размеренное сопение вызвало у него улыбку. Может, он зря волновался за девушку. Оги догадывался, что есть люди, выживающие – а то и процветающие – благодаря доброте незнакомцев. Возможно, к такому относилась и молодая женщина, которая вместе с малышкой сейчас посапывала в его спальном мешке.

Ему в голову пришла мысль: к столам, за которыми будет проводиться собеседование, они могли подходить вдвоем. И тогда присутствие малышки уже не покажется безответственностью, а будет символизировать совместную заботу. Он не мог этого утверждать, человеческая душа – потемки, но чувствовал, что такое возможно. Решил поделиться этой идеей с Дженис, когда та проснется. Хотелось посмотреть, как она отреагирует. Они не могли представляться мужем и женой: она обручального кольца не носила, он свое уже три года как снял, – но могли сказать, что они... как это теперь называется? В гражданском браке.

Автомобили продолжали взбираться один за другим по крутому склону с Мальборо-стрит. Скоро следовало ожидать и пешеходов, приехавших на первом утреннем автобусе. Оги вроде бы припоминал, что автобусы начинали ходить в шесть утра. Из-за густого тумана от прибывающих автомобилей оставались только лучи фар да расплывчатые силуэты за ветровым стеклом. Некоторые, увидев огромную толпу, разворачивались, потеряв надежду, но большинство следовало в глубь автостоянки в поисках оставшихся свободных мест, и свет задних фонарей медленно таял в тумане.

Потом Оги заметил силуэт автомобиля, который не развернулся, но и не проследовал в глубины автостоянки. Рядом с необычайно яркими фарами светились желтые противотуманные.

Ксеноновые фары, подумал Оги. Это же «мерседес-бенц». Что делает «бенц» на ярмарке вакансий?

Он предположил, что это, возможно, мэр Кинслер приехал, чтобы произнести речь перед Клубом ранних пташек. Поздравить их с предприимчивостью, свойственным американцам старым добрым стремлением всюду быть первыми. Если и так, подумал Оги, то приезд на «мерседесе», пусть и старом, свидетельствовал о дурном вкусе.

Пожилой мужчина, который стоял впереди (Уэйн Уэлланд, в последние мгновения своего земного существования), тоже обратил внимание на странный автомобиль:

– Это же «бенц»? Выглядит как «бенц».

Оги уже хотел ответить, что, разумеется, так и есть, эти фары ни с чем не перепутаешь, но тут водитель – силуэт за ветровым стеклом – резко нажал на клаксон: долгий нетерпеливый вопль разорвал рассветную тишину. Ксеноновые фары засияли еще ярче, ярко-белые конусы прорезали висевшие в воздухе капельки тумана, и автомобиль рванулся вперед, словно пришпоренный этим нетерпеливым гудком.

– Эй! – в изумлении вскрикнул Уэйн Уэлланд, и это слово стало для него последним.

Набирая скорость, «мерседес» ударил туда, где соискатели рабочих мест стояли наиболее плотно, зажатые между лентами с надписями «НЕ ПЕРЕСЕКАТЬ». Некоторые попытались убежать, но вырваться удалось только из задних рядов. У тех, кто находился рядом с дверьми – настоящих Ранних пташек, – шансов на спасение не было. Они сшибали стойки, падали, запутавшись в лентах, сталкивались друг с другом. Толпу волнами качало то в одну, то в другую сторону. Пожилых и слабых сбивали с ног и затаптывали.

Оги толкнули влево, он покачнулся, устоял на ногах, но тут же получил толчок в спину. Чей-то локоть попал ему в скулу, аккуратно под правым глазом, и в этом глазу вспыхнули фейерверки Дня независимости. Другим глазом он видел, что «мерседес» не просто выныривал из тумана, но, казалось, *возникал* из него. Большой серый седан, возможно, «S600» с двенадцатью цилиндрами, и все двенадцать ревели.

Оги сшибли на колени у спального мешка и пинали, когда он пытался подняться: в руку, в плечо, в шею. Люди кричали. Он слышал женский вопль:

– Смотрите, смотрите, он не останавливается!

Он увидел, как из спального мешка высунулась Дженис Крей: молодая женщина в недоумении моргала. Она вновь напомнила ему застенчивого крота, выглядывающего из норы. Точнее, кротиху с всклокоченными после сна волосами.

Оги пополз на четвереньках вперед, лег на мешок с женщиной и малышкой, словно надеялся, что сумеет защитить их от двухтонного шедевра немецкой инженерной мысли. Он слышал, как кричат люди, однако крики эти почти полностью заглушал приближающийся рев двигателя большого седана. Кто-то с силой врезал ему по затылку, но он едва почувствовал удар.

Он успел подумать: *Я собирался купить Розе Сарона завтрак.*

Успел подумать: *Может, свернет.*

Это давало им шанс, похоже, единственный шанс. Оги начал поднимать голову, чтобы посмотреть, сворачивает седан или нет, и тут же огромная черная шина заслонила собой мир. Он почувствовал, как рука женщины стиснула ему предплечье. Мелькнула надежда, что малышка не проснулась. Потом его время истекло.

Детпен

1

Ходжес выходит из кухни с банкой пива в руке, садится в раскладное кресло, ставит банку на столик слева, рядом с револьвером. «Смит-вессон» тридцать восьмого калибра, АП, где «А» – армия, а «П» – полиция. Ходжес рассеянно похлопывает по револьверу, будто это старый пес, берет пульт дистанционного управления и включает «Седьмой канал». Чуть опоздал, потому что студийная аудитория уже хлопает.

Он думает об увлечении, кратковременном и злобном, охватившем город в конце восьмидесятых. А может, *заразившем*, потому что все это напоминало внезапно вспыхнувшую лихорадку. Три ведущие городские газеты в одно лето посвятили этому увлечению передовицы. Две газеты уже канули в Лету, а третья дышит на ладан.

Ведущий выходит на сцену в модном костюме, машет руками аудитории. Ходжес смотрит эту передачу чуть ли не каждый будний день с тех пор, как ушел на пенсию, отслужив свое в полиции, и думает, что ведущий слишком умен для этой работы, которая напоминает ныряние в канализационный коллектор с аквалангом, но без гидрокостюма. Он думает, что ведущий из тех мужчин, которые иногда совершают самоубийство, а потом друзья и близкие родственники говорят, что и представить себе не могли, будто что-то не так, и вспоминают, каким веселым он был при их последней встрече.

При этой мысли Ходжес вновь рассеянно похлопывает по револьверу. Это модель «Виктория». Стар да удал. На службе его табельным оружием был «глок» сорокового калибра. Пистолет Ходжес купил – в этом городе считалось, что полицейские должны сами покупать себе табельное оружие, – и теперь он лежит в сейфе в спальне. В сейфе. А значит, в безопасности. Ходжес разрядил его, положил в сейф сразу после церемонии проводов со службы и с тех пор ни разу на него не взглянул. Никакого интереса пистолет у него не вызывает. А вот «тридцать восьмой» он любит. Испытывает сентиментальную привязанность, но дело не только в этом: револьвер никогда не заклинивает.

Вот и первая гостья, молодая женщина в коротком синем платье. Лицо простоватое, но фигура сногшибательная. И где-то под этим платьем – Ходжес знает – есть татуировка, именуемая «шлюхиным клеймом»³. Может, даже две или три. Мужчины в студии топают ногами и свистят. Женщины реагируют более сдержанно. Некоторые закатывают глаза. Да и какой жене понравится, чтобы муж смотрел на такую?

Гостья начинает жаловаться, едва выйдя на сцену. Рассказывает ведущему, что ее бойфренд сделал ребенка другой женщине, уходит к ним, проводит там чуть ли не все время. Она все еще любит его, но ненавидит эту...

Следующие два слова глушат пиканьем, но Ходжес умеет читать по губам: «гребаную манду». Аудитория радостно вопит. Ходжес подносит ко рту банку пива, делает маленький глоток. Он знает, что за этим последует. Эта передача такая же предсказуемая, как мыльная опера, которую показывают по пятницам после полудня.

Ведущий позволяет ей изложить свою версию, а потом представляет... «ДРУГУЮ ЖЕНЩИНУ». Опять же со сногшибательным телом и несколькими ярдами густых светлых волос. «Шлюхино клеймо» у нее на лодыжке. Блондинка приближается к сопернице и говорит: «Я понимаю твои чувства, но тоже люблю его».

³ «Шлюхино клеймо» – первоначально татуировка на нижней части спины, теперь и в других местах. Вошли в моду в 2000-х гг., считаются женским видом татуировок.

Ей определенно хочется сказать больше, но это все, что она успевает произнести, прежде чем Сногшибалка-один переходит к делу. За сценой кто-то бьет в гонг, словно это официальный поединок. Ходжес полагает, что так оно и есть, потому что все участники передачи наверняка получают вознаграждение. Иначе зачем им это надо? Женщины бьют и царапают друг дружку несколько секунд, а потом два здоровяка (с надписью «СЛУЖБА БЕЗОПАСНОСТИ» на футболках), которые поначалу только наблюдали за происходящим, растаскивают их.

Какое-то время они кричат друг на друга, каждая со всей откровенностью высказывает мнение о сопернице (большую часть глушит пиканье), тогда как ведущий благодушно наблюдает, не вмешиваясь, и на этот раз драку начинает Сногшибалка-два, отвечает Сногшибалке-один такую оплеуху, что у той голова откидывается назад, чуть не отрывается от шеи. Вновь звучит гонг. Они падают на сцену. Платья задираются, женщины визжат и царапаются, удары и оплеухи сыплются как из рога изобилия. Здоровяки из службы безопасности вновь растаскивают их, и теперь ведущий, встав между ними, начинает говорить. Голос вроде бы успокаивающий, но в нем слышатся подзуживающие нотки. Обе женщины меряются глубиной своей любви, плюясь друг другу в лицо. Ведущий сообщает, что они вернутся через минуту, а потом актриса из «списка Си»⁴ начинает втюхивать диет-пилюли.

Ходжес делает еще глоток и понимает, что не осилил и половины банки. Забавно, потому что, служа в полиции, он едва не стал алкоголиком. После того как выпивка разрушила семью, решил, что он уже алкоголик. Собрал волю в кулак и нанес удар по дурной привычке, пообещав себе, что будет пить сколько захочет после того, как отслужит сорок лет: странно, что обозначил такой рубеж, поскольку половина городских копов уходила на пенсию после двадцати пяти лет службы и лишь тридцать процентов задерживалось после тридцати лет. Да только когда он отслужил сорок лет, алкоголь его больше не интересовал. Он заставил себя напиться несколько раз, и выяснилось, что пьяным быть ничуть не лучше, чем трезвым. Если на то пошло, даже немного хуже.

Передача возвращается. Ведущий говорит, что у них еще один гость, и Ходжес знает, кто он. Зрители в студии тоже знают. Ревут в предвкушении. Ходжес берет отцовский револьвер, заглядывает в ствол и кладет обратно на «ДайрекТВ-гид».

Мужчина, из-за которого Сногшибалка-один и Сногшибалка-два готовы порвать друг друга, выходит на сцену справа. Как он будет выглядеть, понятно и до его появления, и надежд он не обманывает: оператор бензоколонки, или грузчик на складе «Таргет», или парень, который вымыл вашу машину (плохо) в одном из пунктов «Мистер Спида». Костлявый и бледный, черные волосы падают на лоб. Он в чинос и каком-то безумном зелено-желтом галстуке, обхватывающем шею чуть ниже выпирающего кадыка. Из-под брюк торчат острые мыски замшевых сапог. Ты знал, что у обеих женщин «шлюхино клеймо», и знаешь, что у этого парня прибор как у коня, и он выстреливает сперму с мощностью локомотива и скоростью пули. Девственница, севшая на сиденье унитаза после того, как этот парень спустил на него, встанет беременной. И может, родит двойню. На лице мужчины блуждает улыбка классного чувака с придурью. Мечта идиота: пожизненная инвалидность. Скоро прозвучит гонг, и женщины вновь набросятся друг на друга. А позже, когда наслушаются его тупой болтовни, переглянутся, коротко кивнут и прыгнут на него. На этот раз здоровяки службы безопасности выждут чуть дольше, потому что именно эту завершающую битву больше всего хотят увидеть зрители и в студии, и у телевизоров: насадки, объединившиеся против своего петуха.

То кратковременное злобное увлечение конца восьмидесятых – *зараза* – называлось «бомж-бои». Кому-то из труппных гениев пришла в голову эта идея, а как только она оказалась прибыльной, три или четыре предпринимателя ухватились за нее и довели до ума. Всего-то требовалось заплатить по тридцать баксов двум бомжам, чтобы они принялись мутузить

⁴ «Список Си» – список знаменитостей, о которых мало кто знает.

друг друга в назначенное время и в оговоренном месте. Из таких мест Ходжесу лучше всего запомнилась площадка за старым фермерским домом, переделанным в стрип-клуб «Бам-балам» в восточной части города. После определения времени и места начиналась рекламная кампания (в те дни устная, Интернет тогда даже не маячил на горизонте), и с каждого зрителя брали по двадцать баксов. На одном из боев, который прервали Ходжес и Пит Хантли, их собралось больше двухсот, чуть ли не все сделали ставки, орали и прыгали как безумные. Среди них были и женщины, некоторые в вечерних туалетах и обвешанные драгоценностями; дамы тоже смотрели, как два пропивших мозги бомжа колотят друг друга руками и ногами, падают, поднимаются, снова падают и поднимаются, выкрикивая что-то бессвязное. Толпа смеялась, кричала, требовала продолжения банкета.

Эта программа отличается от бомж-боев только диет-пилюлями и страховыми компаниями, которые прерывают действие, поэтому Ходжес полагает, что участники (а они именно участники, хотя ведущий называет их «гостями») после передачи унесут в клювике чуть больше тридцати баксов и бутылки «Ночного поезда»⁵. И никаких тебе копов, чтобы обломать кайф, потому что все законно, как лотерейные билеты.

Когда это шоу закончится, появится безжалостная дама-судья, облаченная в мантию собственной непререкаемой правоты, чтобы с едва сдерживаемой яростью выслушать жалких просителей, представших перед ее очами. Судью сменит семейный психолог, который доводит гостей до слез (он называет это «прорывом сквозь стену отрицания») и предлагает уйти, если им не нравятся его методы. Ходжес думает, что семейный психолог мог научиться этим методам, просматривая учебные видеоролики КГБ.

Ходжес вкушает эту диету цветного дерьма каждый будний день, сидя в раскладном кресле в компании отцовского револьвера – с ним отец патрулировал улицы, – который лежит на столе под рукой. Несколько раз в день он берет револьвер и смотрит в ствол. Изучает круглую черноту. Пару раз вставлял ствол между губ, чтобы понять, каково это – заряженный револьвер на языке, нацеленный в небо. Чтобы, как он полагает, привыкнуть.

«Если бы я напивался с удовольствием, то мог бы это оттянуть, – думает он. – Оттянуть как минимум на год. А если бы на два, желание могло и пропасть. Я мог заинтересоваться огородничеством, наблюдением за птицами, даже живописью. Тим Куигли начал рисовать, уехав во Флориду. Поселился в городке отставных копов». Судя по всему, Куигли рисовать нравилось, он даже продал несколько своих работ на Арт-фестивале в Венеции. До инсульта, разумеется. После инсульта он пролежал восемь или девять месяцев с парализованной правой половиной тела. Рисование для Тима Куигли закончилось. А потом он ушел. Так-то.

Удар боевого гонга, и да, обе женщины набрасываются на костлявого парня в безумном галстуке, мелькают покрашенные ногти, развеваются длинные волосы. Ходжес вновь тянется к револьверу, но лишь касается его, когда слышит, как хлопает крышка почтовой щели на входной двери и корреспонденция шлепается на пол.

В эру электронной почты и «Фейсбука» ничего важного через дверную щель не доставляется, но Ходжес тем не менее встает с кресла. Он посмотрит, что там принесли, и оставит отцовский АП до завтра.

2

Когда Ходжес возвращается к креслу с небольшой стопкой конвертов, ведущий драчливой передачи прощается и обещает зрителям, что завтра перед ними предстанут карлики. Телом или духом – не уточняет.

⁵ «Ночной поезд» («Night Train») – дешевое ароматизированное крепленое вино. В Америке его называют вином бродяг.

Рядом с раскладным креслом стоят два небольших пластиковых контейнера. Один для стеклянных бутылок и банок, второй – для мусора. В мусор летит письмо из «Уол-марта» с уведомлением о СНИЖЕННЫХ ЦЕНАХ, предложение похоронной страховки, адресованное «НАШЕМУ ЛЮБИМОМУ СОСЕДУ», сообщение о том, что в течение недели все DVD в «Дисконт электроникс» будут продаваться с пятидесятипроцентной скидкой, мольба с просьбой прийти к урнам для голосования и отдать «ваш важный голос» за одного из кандидатов на освободившееся место члена городского совета. Фотография кандидата имеется, и он живо напоминает Ходжесу доктора Оберлина, стоматолога, которого в детстве он боялся до смерти. Еще одно письмо приходит от «Альбертсонс». Его Ходжес откладывает (на время накрывает им револьвер отца), потому что оно набито купонами.

Последнее в стопке письмо – настоящее, на ощупь достаточно толстое, в конверте «делового» формата. Адресовано дет. К. Уильяму Ходжесу (пен.), дом 63 по Харпер-роуд. Обратного адреса нет. Вверху слева, где его обычно пишут, – второй смайлик в сегодняшней корреспонденции. Только не подмигивающий, обещающий снижение цен в «Уол-марте», а из тех, что используют в электронной почте: в черных очках и скалящий зубы.

Смайлик что-то напоминает, что-то нехорошее.

Нет, думает Ходжес. *Нет*.

Но вскрывает конверт так быстро и резко, что из него вываливаются четыре отпечатанные страницы – отпечатанные, разумеется, на принтере, однако шрифтом, напоминающим шрифт пишущей машинки.

Дорогой детектив Ходжес! – начинается письмо.

Ходжес не глядя протягивает руку, сшибает послание «Альбертсонса» с купонами на пол, проходит пальцами по револьверу, словно и не замечая его, хватая пульт дистанционного управления. Нажимает кнопку выключения, обрывая безжалостную женщину-судью на полуслове, и сосредотачивается на письме.

3

Дорогой детектив Ходжес!

Я надеюсь, Вы не будете возражать против использования Вашего звания, пусть Вы и ушли со службы шесть месяцами раньше. По мне, если некомпетентные судьи, продажные политики и глупые военачальники могут сохранять свои звания и титулы после ухода на пенсию, на это имеет полное право один из самых заслуженных полицейских в истории города.

Так что пусть будет детектив Ходжес!

Сэр (еще один титул, которого Вы заслуживаете, ибо Вы – истинный Рыцарь жетона и пистолета), я пишу по многим причинам, но считаю себя обязанным начать с того, чтобы поздравить Вас со столь долгими годами службы, 27 – в детективах и 40 – всего. Я видел часть официальной Церемонии проводов со службы по телику («Общественный второй канал», который многие игнорируют) и случайно узнал, что следующим вечером состоялась вечеринка в «Рейнтри инн», рядом с аэропортом.

Готов спорить, это и была настоящая Церемония проводов.

Я, конечно, никогда не бывал на такой тусовке, но смотрел достаточно полицейских телесериалов, и хотя во многих представлена по большей части вымышленная картина «полицейской жизни», в неко-

торых показывали вечеринки в честь уходящих на пенсию («Полиция Нью-Йорка», «Убойный отдел», «Прослушка», и т. д., и т. п.). Мне хочется думать, что они ТОЧНО воспроизводят момент, когда Рыцарь жетона и пистолета говорит «прощай» одному из своих компатриотов. Я думаю, такое вполне возможно, потому что читал описания «прощальной вечеринки» как минимум в двух романах Джозефа Вамбо, и они похожи. Он должен знать, ведь он, как и Вы, детпен.

Я представляю себе воздушные шары под потолком, огромное количество выпивки, множество похабных разговоров и еще больше воспоминаний о Пржезних днях и давно завершенных расследованиях. Вероятно, играет громкая веселая музыка, возможно, стриптизерша или две «трясут задом». Произносятся речи, смешнее и честнее тех, что звучали на официальной церемонии.

Как у меня получается?

«Неплохо, – думает Ходжес. – Очень даже неплохо».

Согласно моему исследованию, в период Вашей службы детективом Вы раскрыли в буквальном смысле сотни преступлений, и многие из них репортеры (которых Тед Уильямс⁶ окрестил «Рыцарями клавиатуры») называли «резонансными». Вы ловили Убийц и Грабителей, Поджигателей и Насильников. В одной статье (опубликованной в день Церемонии Ваших проводов со службы) Ваш постоянный напарник (детектив 1-го класса Питер Хантли) отметил, что в Вас «удивительным образом сочетались следование инструкциям и блестящая интуиция».

Приятный комплимент.

Если это правда, а я думаю, так оно и есть, Вы уже наверняка поняли, что я один из тех немногих, кого Вам поймать не удалось. Я тот самый, кому репортеры дали следующие прозвища:

а) Шутник;

б) Клоун;

или

в) Мерседес-убийца.

Я отдаю предпочтение последнему!

Я уверен, Вы «сделали все, что могли», но, к сожалению (Вашему – не моему), потерпели неудачу. Я даже могу представить, что если бы Вам, детектив Ходжес, предложили назвать «перка», которого Вы хотели бы поймать больше всего, то Вы назвали бы того парня, который в прошлом году сознательно направил «мерседес» в толпу безработных, ожидавших открытия Ярмарки вакансий в Городском центре, убив восьмерых и покалечив многих и многих. (Должен признать, результат превзошел мои самые смелые ожидания.) Думали ли Вы обо мне, когда Вам вручали тот почетный знак на Официальной церемонии проводов со службы? Думали ли Вы обо мне, когда Ваши сослуживцы, Рыцари жетона и пистолета, рассказывали истории о том (подумать только),

⁶ Уильямс, Теодор Сэмюель (1918–2002) – американский профессиональный бейсболист, спортивная карьера которого практически целиком связана с бостонской командой «Ред сокс». Конфликтовал с прессой едва ли не с первого выступления за команду.

как Вы застигали преступников буквально на толчке со спущенными штанами, или вспоминали розыгрыши, которые устраивались в старой доброй дежурной части?

Готов спорить, что думали!

Должен сказать Вам, что повеселился я тогда на славу. (И в этом я честен.) Вы и представить себе не можете, какой у меня был «стояк», когда я вдавил педаль в пол и погнал «мерседес» бедной миссис Оливии Трелони на толпу. Билось ли мое сердце с частотой двести ударов в минуту? Спрашиваете!

Еще один мистер Смайлик в черных очках.

Я поделюсь с Вами тем, что действительно называется «информацией для своих», и Вы можете смеяться, если хотите, потому что это и впрямь забавно (хотя, думаю, это также демонстрирует мою предусмотрительность). Я надел кондом! «Резинку»! Потому что опасался Самопроизвольной эякуляции и следов ДНК, которые могли в результате появиться. Что ж, этого не произошло, но потом я онанировал много раз, думая о том, как они пытались убежать и не могли (потому что набились плотно, как **сардины в банку**), и какими испуганными они все выглядели, и как меня бросило вперед, когда автомобиль «вспахал» их. Ремень безопасности заблокировало напрочь. Господи, как это возбуждало.

По правде говоря, я не знал, что может произойти. Я думал, мои шансы попасться составляют 50 на 50. Но я «сумасбродный оптимист» и всегда готов скорее к Успеху, чем к Неудаче. Кондом – «информация для своих», однако готов спорить, что сотрудники Вашего Экспертно-криминалистического отдела (я также смотрю **«Место преступления»**) ощутили острое разочарование, не обнаружив никаких следов ДНК на клоунской маске. Они, должно быть, сказали: «Черт! Этот предусмотрительный перк, наверное, надел под маску сетку для волос!»

И я надел! Да еще выстирал в хлорке!

Я до сих пор слышу глухие звуки ударов в людей, хруст костей, ощущаю подпрыгивание на рессорах, когда автомобиль перекатывался через тела. Если мы говорим о мощности и управляемости, то я обеими руками за «мерседес» с 12-цилиндровым двигателем! Узнав из газеты, что одна из моих жертв – **младенец**, я обрадовался! Оборвать такую юную жизнь! Только представьте себе, сколь много она никогда не узнает, а? Патриция Крей, RIP⁷! Прикончил и ее мамашку! Клубничное варенье в спальном мешке! Восторг, правда? Меня греют мысли о мужчине, потерявшем руку, а еще больше – о тех двух, которые остались парализованными. Мужчина – только ниже пояса, но Мартина Стоувер теперь буквально «голова на палке». Они не умерли, но, наверное, ЖАЛЕЮТ, что этого не произошло! **Как по-Вашему, детектив Ходжес?**

⁷ RIP (requiescat in pace) – покойся с миром (лат.).

Теперь Вы, наверное, думаете: *Да это какой-то безумный извращенец.* Винить Вас в этом не буду, но могу поспорить! Я думаю, очень многие получили бы удовольствие, делая то, что сделал я, вот почему они наслаждаются книгами и фильмами (в наши дни даже телевизионными передачами), в которых хватает *Пыток и Расчлененки, и прочего, и прочего.* Единственная разница в том, что **я действительно это сделал.** И не потому, что я безумен. А потому, что точно не знал, какими будут ощущения, только чувствовал, что невероятно захватывающими, как говорится, с «воспоминаниями на всю жизнь». Большинство людей с малолетства обзаводится Свинцовыми сапогами и должно таскать их всю жизнь. Эти Свинцовые сапоги зовутся СОВЕСТЬЮ. У меня их нет, так что я могу высоко парить над головами тех, кто составляет Обычную толпу. А если бы они меня поймали? Что ж, случись это прямо там, если бы заглох двигатель «мерседеса» миссис Трелони или произошло что-то в этом роде (вероятность была близка к нулю, потому что автомобиль содержался в идеальном состоянии), полагаю, толпа могла бы разорвать меня на части. Я понимал, что такая возможность существует, и это только добавляло азарта. Но я не думал, что они действительно разорвут меня, потому что большинство людей – овцы, а овцы не едят мяса. (Наверное, меня бы немного побили, но я бы это пережил.) Потом арестовали бы, отдали под суд, где я попросил бы считать меня психом. Возможно, я действительно безумен (конечно же, такая идея приходила мне в голову), но это особый вид безумства. В любом случае мне подфартило, и я ушел.

Туман помог!

И вот что еще я видел, на этот раз в кино (названия фильма не помню). Там был Серийный убийца, очень умный, и поначалу копы (одного играл Брюс Уиллис, тогда еще с волосами) никак не могли его поймать. Вот Брюс Уиллис и сказал: «Он сделает это снова, потому что не может остановиться, и рано или поздно допустит ошибку, и тогда мы его поймаем».

И поймали!

Но к моему случаю это не относится, детектив Ходжес, потому что у меня **абсолютно нет желания** сделать это снова. Для меня **одного раза достаточно.** У меня есть воспоминания, и они чисты, как звон колокольчика. А как потом были напуганы люди, поскольку думали, что я сделаю это снова. Помните, отменили все многолюдные общественные сборища на открытом воздухе? Не то чтобы весело, но *tres amusant*⁸.

Так что, как Вы сами видите, мы оба «пены».

И если уж об этом зашла речь, я сожалею только об одном: что не смог посетить Вашу Прощальную вечеринку в «Рейнтри инн» и поднять бокал за Вас, мой дорогой сэр Детектив. Вы действительно прилагали все силы. Детектив Хантли тоже, но если газеты и Интернет приводят точную информацию касательно ваших достижений по службе, Вы играли в высшей лиге, а он пребывал и останется в первой. Я уверен, что дело по-прежнему не закрыто и он время от времени просматривает

⁸ Все же забавно (фр.).

старые донесения, но не продвинется ни на шаг. Думаю, вы оба это знаете.

И напоследок позвольте выразить тревогу.

В некоторых сериалах (и, кажется, в одной книге Вамбо, но, возможно, я путаю с Джеймсом Паттерсоном) за веселой вечеринкой с воздушными шарами, и выпивкой, и музыкой следует грустная финальная сцена. Детектив приходит домой и обнаруживает, что без Жетона и Пистолета жизнь его бессмысленна. Я это понимаю. Если подумать, что может быть печальнее старого, вышедшего на пенсию Рыцаря? Короче, Детектив сводит счеты с жизнью (из своего табельного револьвера). Я заглянул в Интернет и обнаружил, что это не просто выдумка. Такое случается в реальной жизни!

У вышедших на пенсию полицейских **невероятно высокий процент самоубийств!!**

В большинстве своем у копов, так поступающих, нет родственников, которые могут заметить Угрожающие признаки. Многие, как Вы, в разводе. У многих взрослые дети, живущие далеко от дома. Я думаю, Вы очень одиноки в Вашем доме на Харпер-роуд, детектив Ходжес, и **я тревожусь**. Какая у Вас теперь жизнь, когда «азарт охоты» уже в прошлом? Вы много смотрите телик? Вероятно. Пьете больше? Возможно. Часы текут гораздо медленнее, потому что Ваша жизнь пуста? Вы страдаете от бессонницы? Нет, надеюсь, что нет.

Но я боюсь, что Вас посещают такие мысли!

Вам, вероятно, нужно Хобби, чтобы Вы думали о чем-то, а не только о «том, кто скрылся» и кого Вам никогда не поймать. Будет очень плохо, если Вы придете к выводу, что вся Ваша карьера ничего не стоит, потому что парень, который убил всех этих Невинных людей, ускользнул, «просочился у Вас между пальцами».

Я бы не хотел, чтобы Вы начали думать о Вашем табельном оружии.

Но Вы думаете, ведь так?

Я хочу закончить письмо еще одной мыслью от «того, кто скрылся».

Мысль эта следующая:

ПОШЕЛ ТЫ, ЛУЗЕР.

Шутка!

Искренне Ваш,
МЕРСЕДЕС-УБИЙЦА.

Ниже красовался еще один смайлик, но письмо на этом не заканчивалось.

P.S. Сожалею о миссис Трелони, но когда Вы передадите это письмо детективу Хантли, скажите ему, что бессмысленно разглядывать фотографии, которые сделала полиция на ее похоронах. Я присутствовал, но лишь в своем воображении. (Воображение у меня очень яркое.)

P.P.S. Хотите со мной связаться? Оставить отзыв? Попробуйте сайт «Под синим зонтом Дебби». Я даже придумал Вам имя пользова-

теля: «кермит_лягушонок-19». Я могу и не ответить, но... «никогда не знаешь»⁹.

P.P.P.S. Надеюсь, это письмо Вас взбодрило.

4

Ходжес сидит две минуты... четыре минуты... шесть... восемь. Застыв, как монумент. Держит письмо в руке, смотрит на репродукцию Эндрю Уайета на стене. Наконец кладет листы на стол у кресла, берет конверт. Почтовый штемпель городской, что его не удивляет. Автор письма хочет, чтобы он знал, что тот неподалеку. Это насмешка. Как сказал бы автор письма, это...

Часть шутки!

Новые специальные химические вещества и методы, включая компьютерное сканирование, позволяют получать с бумаги прекрасные отпечатки пальцев, но Ходжес знает: передай он эти листы экспертам, они найдут только его собственные отпечатки. Этот парень безумен, но его самооценка – *предусмотрительный преступник* – абсолютно верна. Только он написал «перк», не «преступник»¹⁰, и написал дважды. А еще...

Минуточку, минуточку.

Что ты хочешь этим сказать: *Когда Вы передадите это?..*

Ходжес встает, с письмом в руке идет к окну, смотрит на Харпер-роуд. Девчушка Харри-сонов проносится на своем мопеде. На самом деле она слишком молода, чтобы ездить на этих штуковинах, что бы там ни разрешал закон, но по крайней мере надела шлем. Позвякивая, проезжает фургон «Мистер Вкусняшка». В хорошую погоду он работает в западной части города, после окончания школьных занятий и до сумерек. Маленький изящный черный автомобиль следует за ним. Седеющие волосы женщины за рулем накручены на бигуди. Женщины ли? Это может быть мужчина в парике и платье. Бигуди – идеальный завершающий штрих, верно?

Он хочет, чтобы именно о чем-то таком ты и думал.

Но нет. Не совсем.

Не о чем-то таком. Этот самозванный Мерседес-убийца (он прав, именно так и называли его в газетах и новостных выпусках) хочет, чтобы ты *так* думал.

Это продавец мороженого!

Нет, это мужчина, переодетый женщиной, в изящном автомобиле!

Нет-нет, это парень, который ездит на пикапе, работающем на пропане, или учетчик показаний счетчиков!

Как быстро он разжег твою паранойю! А она помогает представить, что он знает гораздо больше, чем адрес бывшего детектива. Он знает, что ты разведен, и намекает, что у тебя где-то есть ребенок или дети.

Ходжес смотрит на траву, замечает, что ее пора косить. Если Джером не придет в самом скором времени, придется ему позвонить.

Ребенок или дети? Не надо себя обманывать. Он знает, что моя бывшая – Коринн, и у нас взрослая дочь, которую зовут Элисон. Он знает, что Элисон тридцать и она живет в Сан-Франциско. Наверное, он знает, что рост у нее пять футов шесть дюймов и она играет в теннис. Все это есть в Интернете. В наши дни там есть *все*.

Его следующий шаг – передать письмо Питу и Изабель Джейнс, новой напарнице Пита. После того как Ходжес вышел из игры, они унаследовали дело с «мерседесом», как и несколько

⁹ «Никогда не знаешь» – девиз лотереи штата Нью-Йорк.

¹⁰ Perk – привилегия, льгота, регр – преступник (*англ.*).

других висяков. Некоторые расследования напоминают компьютер в спящем режиме. Это послание быстро разбудит дело с «мерседесом».

Мысленно он прослеживает путь письма.

Из дверной щели для почты – на пол прихожей. С пола прихожей – к раскладному креслу. От кресла к окну, стоя у которого Ходжес наблюдает, как почтовый пикап возвращается, держит путь в ту сторону, откуда приехал: Энди Фенстер рабочий день закончил. Отсюда – на кухню, где письмо отправится в совершенно бесполезный пакет «Глэд» с застежкой, потому что давние привычки – они въедливые. Потом – к Питу и Изабель. От Пита – к экспертам-криминалистам для всестороннего исследования. Которое и докажет абсолютную бесполезность глэдовского пакета: ни отпечатков пальцев, ни волосков, ни следов ДНК, бумага самая обычная, доступная в любом магазине канцелярских товаров города, и последнее, по счету, но не по важности, – стандартный лазерный принтер. Они, возможно, даже смогут сказать, на каком компьютере набивалось письмо (в этом уверенности у него нет, о компьютерах он знает мало и, если возникает проблема, обращается к Джерому, живущему – как это удобно – по соседству), а если и так, выяснится, что использовался «Мак» или «Ай-би-эм».

От экспертов письмо вернется к Питу и Изабель, которые, несомненно, соберут полицейский коллоквиум вроде тех, что показывают в сериалах Би-би-си «Лютер» и «Главный подозреваемый» (которые, вероятно, тоже любит сбрендивший автор письма). Коллоквиум дополнят экран и выведенная на него увеличенная фотокопия письма, а может, и лазерная указка. Ходжес тоже смотрит некоторые из английских полицейских сериалов и верит, что в Скотленд-Ярде не принимают во внимание давнюю поговорку: слишком много кухарок только портят похлебку.

Этот полицейский коллоквиум может привести только к одному, и Ходжес уверен, что именно это психу и нужно: присутствовать будут десять – двенадцать детективов, так что информация о письме обязательно просочится в прессу. Псих, вероятно, врет, говоря, что нет у него желания повторить свое преступление, но Ходжес полностью уверен в другом: ему недостает упоминания в новостях.

Лужайка пестрит одуванчиками. Определенно пора позвонить Джерому. Да и вообще Ходжесу хочется его повидать. Хороший парнишка.

Кое-что еще. Даже если псих говорит правду, что не испытывает желания пойти на новое массовое убийство (маловероятно, но полностью исключать нельзя), смерть его очень даже интересует. Этот контекст в письме присутствует однозначно. *Покончи с собой. Ты уже думаешь об этом, так сделай еще один шаг, который станет последним.*

«Он видел, как я играю с отцовским “тридцать восьмым”?»

«Видел, как я сую ствол в рот?»

Ходжес вынужден признать, что такое возможно: он никогда не думал о том, чтобы задерживать шторы. Ощущал себя в полной безопасности в собственной гостиной, а ведь любой мог воспользоваться биноклем. И Джером мог видеть, Джером, забежавший узнать, не будет ли для него какой-нибудь работенки. Как он обычно спрашивает: «Чё-нить надо?»

Да только Джером перепугался бы до смерти, увидев, как он играет со старым револьвером. Обязательно сказал бы ему что-нибудь.

Мистер Мерседес действительно онанирует, думая о том, как давит всех этих людей?

За годы службы Ходжес насмотрелся такого, о чем никогда не стал бы говорить с человеком, который сам ничего подобного не видел. Эти разъедающие душу воспоминания склоняют к тому, чтобы поверить автору письма: насчет мастурбации он говорил правду, как и насчет отсутствия совести. Ходжес где-то прочитал, что в Исландии есть такие глубокие колодцы, что всплеска воды от брошенного камня не слышно. Он думает, что некоторые человеческие души такие же. И бомж-бои совсем не на дне таких колодцев. Разве что на полпути.

Он возвращается к раскладному креслу, выдвигает ящик стола и достает мобильник. Кладет рядом с «тридцать восьмым» и задвигает ящик. Нажимает кнопку быстрого набора номера полицейского управления, но на вопрос секретаря, кто ему нужен, отвечает:

– Ох, черт. Случайно нажал не ту кнопку. Извините за беспокойство.

– Ничего страшного, сэр. – Он слышит улыбку в ее голосе.

Никаких звонков, во всяком случае, пока. Никаких действий. Ему надо об этом подумать.

Крепко, крепко об этом подумать. Ходжес сидит, глядя на телевизор, который впервые за долгие месяцы выключен в будний день.

5

Вечером он едет в «Ньюмаркет-плазу», чтобы поесть в тайском ресторане. Миссис Бурамук обслуживает его лично.

– Давно не видела вас, детектив Ходжес. – Звучит это как «дефектив Хатчес».

– После выхода на пенсию готовил себе сам.

– Вы позволите готовить мне. Будет гораздо лучше.

Вновь отведав том юм ган миссис Бурамук, он понимает, что его тошнит от наполовину прожаренных гамбургеров и спагетти с соусом «Ньюманс оун». А сан кайя фуг тун заставляет его осознать, как надоел ему кокосовый торт «Пепперидж фарм». «Если я никогда больше не попробую кокосового торта, – думает он, – все равно умру счастливым, сколько бы ни прожил». За едой он выпивает две банки тайского пива «Сингха», и это лучшее пиво, которое ему доводилось пить после прощальной вечеринки в «Рейнтри», где, как правильно догадался Мистер Мерседес, стриптизерша «трясла задом». Как и всем остальным.

Интересно, Мистер Мерседес наблюдал из какого-нибудь темного угла? Как сказал бы опоссум из мультфильма¹¹: «Возможно, Маски, возможно».

Вернувшись домой, он садится в раскладное кресло и берет письмо. Знает, каким будет его следующий шаг, если он не собирается передавать письмо Питу Хантли – а он не собирается, – но также знает, что нет смысла делать этот шаг после пары банок пива. Поэтому кладет письмо в ящик стола поверх «тридцать восьмого» (на этот раз без пакета) и берет еще одну банку. Из холодильника, и это всего лишь «Айвори спешл», местный продукт, но по вкусу ничем не уступающий «Сингхе».

Когда с пивом покончено, Ходжес включает компьютер, открывает «Файрфокс», набирает в строке поисковика «Под синим зонтом Дебби». Создатели сайта характеризуют его очень расплывчато: *Неформальный сайт, где интересные люди обмениваются интересными мнениями*. Он думает о том, чтобы зайти на сайт, но потом выключает компьютер. И этого тоже не нужно. Во всяком случае, этим вечером.

Обычно он ложится спать поздно, тем самым сокращая количество часов, которые придется ворочаться, вспоминая давние дела и давние ошибки, но сегодня укладывается рано, точно зная, что заснет сразу. И какое это приятное чувство.

Последняя мысль, прежде чем он проваливается в сон, о том, как заканчивается сочащееся ядом письмо Мистера Мерседеса. Автор хочет, чтобы он покончил с собой. Ходжес задается вопросом, а что подумает Мистер Мерседес, узнав, что вместо самоубийства подвигнул этого конкретного бывшего Рыцаря жетона и пистолета на дальнейшую жизнь? По крайней мере на какое-то время.

А потом сон забирает его. Он крепко спит шесть часов, прежде чем его будит мочевой пузырь. Ходжес шлепает в ванную, отливает, возвращается в постель и спит еще три часа. Когда открывает глаза, светит солнце и щебечут птицы. Он идет на кухню, готовит себе сыт-

¹¹ Имеются в виду американские и английские мультфильмы про помощника шерифа Дауга.

ный завтрак. Когда перекладывает два прожаренных яйца на тарелку с беконом и тостом, в изумлении замирает.

Кто-то поет.

Он сам, больше некому.

6

После завтрака, поставив грязные тарелки в посудомоечную машину, он идет в кабинет, чтобы разобрать письмо по косточкам. За время службы он это проделывал не меньше двух десятков раз, но не в одиночку: ему помогал Пит Хантли, а до Пита – два других напарника. Большинство писем являли собой угрожающие послания от бывших мужей (одно или два – от бывших жен). Эти особого интереса не представляли. В некоторых кто-то что-то вымогал. В других – шантажировал, можно сказать, тоже вымогал. Одно написал похититель, требовавший какую-то ерунду и мелкий выкуп. И три... четыре, считая письмо Мистера Мерседеса, пришли от признающих свою вину убийц. Два из них прислали люди, убивавшие в собственном воображении. Третье мог написать (а может, и нет) серийный убийца, которого они называли Дорожным Джо.

А как воспринимать это? Настоящее оно или фальшивое? Автор – реальный убийца или какой-то фантазер?

Ходжес выдвигает ящик стола, достает блокнот линованной бумаги, вырывает верхний лист со списком продуктов, которые собирался купить неделей раньше. Вынимает шариковую ручку из стаканчика, стоящего рядом с компьютером. Сначала обдумывает упоминание кондома. Если парень действительно его надел, то унес с собой... это естественно, правда? На кондомих остаются и отпечатки пальцев, не только сперма. Ходжес рассматривает другие подробности: как ремень безопасности заблокировалось, когда автомобиль врезался в толпу, как «мерседес» подпрыгивал на телах. В газетах этого не было, но и вообразить такое несложно. Он же сам написал...

Ходжес проглядывает письмо, и вот оно, нужное место: *Воображение у меня очень яркое.*

Но было в письме и то, чего он выдумать не мог. Два нюанса, которые утаили от средств массовой информации.

В блокноте, под заголовком «ОН – РЕАЛЬНЫЙ УБИЙЦА?», Ходжес пишет: СЕТКА ДЛЯ ВОЛОС. ХЛОРКА.

Мистер Мерседес унес сетку с собой, как и кондом (возможно, свисавший с его конца, при условии, что это не выдумка), но Гибсон из экспертно-криминалистического отдела не сомневался: сетка у него на голове была. Потому что Мистер Мерседес оставил клоунскую маску, и к ней не прилипло ни одного волоска. И запах убивающей ДНК хлорки, какой пользуются в бассейнах, тоже сомнений не вызывал. Мистер Мерседес ее не пожалел.

Но главное заключалось, конечно, не в этих мелочах, а в другом. В *уверенности в себе.*

После короткого колебания Ходжес пишет печатными буквами: ОН – ТОТ САМЫЙ ПАРЕНЬ.

Снова медлит. Вычеркивает ПАРЕНЬ и пишет МЕРЗАВЕЦ.

7

Давно уже он не думал как коп и еще дольше не занимался такой работой – особым видом экспертизы, который не требовал фотоаппаратов, микроскопов, специальных веществ, – но как только Ходжес за нее берется, навыки возвращаются быстро. Начинает он с заголовков.

АБЗАЦЫ ИЗ ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

ФРАЗЫ С ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ.
ФРАЗЫ В КАВЫЧКАХ.
ПРИЧУДЛИВЫЕ ФРАЗЫ.
НЕОБЫЧНЫЕ СЛОВА.
ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ.

Тут он останавливается, постукивая ручкой по нижней губе, и вновь полностью перечитывает письмо, от слов Дорогой детектив Ходжес до Надеюсь, это письмо Вас взбудрило. Потом добавляет еще два заголовка на уже густо исписанной странице:

ИСПОЛЬЗУЕТ БЕЙСБОЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ, МОЖЕТ,
БОЛЕЛЬЩИК.
С КОМПЬЮТЕРОМ НА ТЫ (МОЛОЖЕ 50?).

Он далеко не уверен в двух последних предположениях. Спортивные метафоры стали расхожими, особенно среди знатоков политики, и в наши дни на «Фейсбуке» и в «Твиттере» хватает тех, кому за восемьдесят. Сам Ходжес использует потенциал своего «Мака» только на двенадцать процентов (таково мнение Джерома), но это не означает, что таких, как он, большинство. Начинать можно в любом возрасте, однако чувствуется, что письмо написано молодым.

По этой части полицейской работы он всегда выказывал недюжинный талант, и на интуицию приходилось куда больше двенадцати процентов.

Он уже выписал с десятков примеров под НЕОБЫЧНЫМИ СЛОВАМИ и теперь обвел кружком два: *компатриоты* и *самопроизвольная эякуляция*. Потом добавил фамилию – Вамбо. Мистер Мерседес – говнюк, но умный, начитанный говнюк. У него большой словарный запас, и он не делает грамматических ошибок. В этот момент Ходжес представляет себе, как Джером Робинсон говорит: «Проверка орфографии, сечешь, чувак?»

Конечно, конечно, нынче все, у кого есть программа проверки правописания, могут похвастаться грамотностью, но Мистер Мерседес правильно написал достаточно простую, но редкую фамилию: *Вамбо*. Никаких тебе *Вамбу* или *Вамбоу*. Все точно, как и положено. То есть книги Мистер Мерседес наверняка читал. Может, и не классику, но уровень его писательского мастерства намного выше, чем у авторов диалогов в таких сериалах, как «Морская полиция: спецотдел» или «Кости».

Домашнее обучение, старшая школа или самообразование? Имеет ли это значение? Может, нет, а может, и да.

Ходжес думает, что самообразование можно вычеркнуть. Стиль письма слишком... какой?

– Непринужденный, – сообщает он пустой комнате, но это еще не все. – Свободный. – Никакой зажатости. Он учился у других. И писал для других.

Зыбкое умозаключение, но оно подкрепляется некой цветистостью стиля – этими ВЫЧУРНЫМИ ФРАЗАМИ. *Считаю себя обязанным начать с того, чтобы поздравить*, пишет он. *Вы раскрыли в буквальном смысле сотни преступлений*, пишет он. И дважды: *Думали ли Вы обо мне?* В старшей школе за английский язык и литературу Ходжес получал пятерки, в колледже – четверки, и он знал, как это называется: усилительный повтор. Неужели Мистер Мерседес воображает, что его письмо опубликуют в местной газете, что оно будет циркулировать в Интернете, будет цитироваться (с некой долей вынужденного уважения) в шестичасовом выпуске «Новости на Четвертом канале»?

– Конечно, воображаешь, – говорит Ходжес. – Когда-то давно ты зачитывал свои сочинения в классе. Тебе это тоже нравилось. Нравилось быть в центре внимания. Правда? Когда я тебя найду... если я тебя найду... наверняка выяснится, что по английскому языку и лите-

ратуре ты учился никак не хуже меня. – Может, даже лучше. Ходжес не помнит, чтобы он использовал усилительный повтор, разве что случайно.

Да только в городе четыре муниципальных старших школы, и одному Богу известно, сколько частных, не говоря уже о подготовительных, двухгодичных колледжах, Городском колледже и Католическом университете Святого Иуды. Достаточно стогов сена, чтобы спрятать одну отравленную иголку. Даже если он учился в здешней школе, а не в Майами или Финиксе.

Плюс он хитрец. В письме полно слов, которые начинаются с большой буквы, фразы в кавычках, избыточное количество восклицательных знаков, энергичные абзацы в одно предложение. Если попросить его предоставить образец почерка, Мистер Мерседес, конечно же, обойдется без всех этих стилистических изысков. Ходжес знает это так же хорошо, как и свое первое, такое неудачное имя: Кермит, как в *кермит_лягушонок-19*.

Но.

Говнюк не так умен, как он о себе думает. Письмо *практически* наверняка содержит два *настоящих* «отпечатка пальцев»: один смазанный и один идеально четкий.

Смазанный – постоянное использование чисел вместо слов: 27, не двадцать семь, 40 вместо сорока, детектив 1-го класса. Числа могут быть только маскировкой, он это знает, но велика вероятность, что Мистер Мерседес и не подозревал о том, что это отпечаток.

«Если бы я смог привести его в ДК-4 и попросить написать: *Сорок воров украли восемьдесят обручальных колец...*»

Только К. Уильям Ходжес никогда больше не попадет в допросный кабинет, включая ДК-4 – его любимый, точнее, счастливый, как он всегда думал. Хотя, если выяснится, что он залез в это дерьмо, сидеть ему по другую сторону металлического стола.

Ладно, хорошо, Пит приводит этого парня в ДК. Пит, или Изабель, или они оба. И просят написать: *40 воров украли 80 обручальных колец*. Что тогда?

Потом они просят его написать: *Копы поймали преступника, прячущегося в проулке*. Только слово *перп* произносят невнятно. Потому что, несмотря на его уровень писательства, Мистер Мерседес думает, что человек, совершающий преступные деяния, – *перк*. Может, он также думает, что специальные привилегии – это *перп*, как в *Перп генерального директора путешествовал 1-м классом*.

Ходжеса это не удивляет. До колледжа он сам думал, что игрок, который бросает мяч на бейсбольном поле, штукавина, из которой наливают воду, и предмет в раме, который вешают на стену, чтобы украсить квартиру, пишутся одинаково. Он видел слово *picture*¹² в самых разных книгах, но разум каким-то образом отказывался зафиксировать его. Его мать говорила: «Поправь эту *pitcher*¹³, Керм, она перекосилась», а отец иногда давал ему денег на «*pitcher-шоу*», и это накрепко засело в голове.

Я узнаю тебя, когда найду, милок, думает Ходжес.

Он пишет слово большими буквами и обводит снова и снова, берет в плотный круг. «Ты окажешься тем говнюком, для которого “перп” – это “перк”».

8

Он отправляется на прогулку по кварталу, здороваются с людьми, которых давно не видел. Кого-то – несколько недель. Миссис Мельбурн возится в палисаднике и, заметив Ходжеса, приглашает его отведать кофейного торта.

¹² Picture – картина (англ.).

¹³ Pitcher – кувшин, питчер (англ.).

– Я тревожилась за вас, – говорит она, когда они усаживаются за стол на кухне. У нее яркий, пронзительный взгляд вороны, которая видит перед собой только что раздавленного бурундука.

– Привыкнуть к пенсии сложно. – Ходжес делает глоток кофе. Он жидкий, но горячий.

– Кое-кто никак не может к этому привыкнуть, – продолжает она, оценивая его своими яркими глазами.

«Пожалуй, она бы не ступала и в четвертом ДК», – думает Ходжес.

– Особенно те, у кого была напряженная работа.

– Сначала я, конечно, скис, но теперь дело пошло на поправку.

– Рада это слышать. Тот милый негритянский мальчик все еще работает у вас?

– Джером? Да. – Ходжес улыбается, представив себе реакцию Джерома, если бы тот узнал, что кто-то из соседей считает его *милым негритянским мальчиком*. Наверное, оскалил бы зубы в ухмылке и воскликнул: *Адназначна!* Джером и его «чё-нить надо». Уже нацеливается на Гарвард или Принстон, фланговым защитником.

– Он ленился, – говорит она. – Ваша лужайка заросла. Еще кофе?

Ходжес с улыбкой отказывается. Одной кружки плохого кофе предостаточно.

9

Снова дома. Икры покалывает, голова полна чистым воздухом, во рту вкус подстилки со дна птичьей клетки, но мозг вибрирует от избытка кофеина.

Он заходит на сайт городской газеты и открывает несколько статей о бойне у Городского центра. Не находит нужного ни в первой статье под пугающим заголовком от 11 апреля 2009 года, ни в огромном материале воскресного номера от 12 апреля, только в номере за понедельник: фотография руля брошенного убийцей автомобиля. Негодующий заголовок: «ОН ДУМАЛ, ЭТО СМЕШНО». На эмблему «Мерседеса» в центре руля прилеплено желтое улыбающееся лицо. Тот самый оскаленный смайлик в черных очках.

Полицию сильно разозлила эта фотография, потому что ведущие расследование детективы – Ходжес и Хантли – просили репортеров не публиковать лыбящуюся физиономию. Редактор, Ходжес помнит, лгливо извинялся. До кого-то команда не дошла, говорил он. Больше такое не повторится. Обещаю. Честное скаутское.

«Команда не дошла! – кипятился тогда Пит. – Они заполучили фотографию, которая могла чуть подстегнуть тираж, и, само собой, ее использовали».

Ходжес увеличивает газетное фото, пока лыбящееся желтое лицо не занимает весь экран. *Знак зверя*, думает он, *в стиле двадцать первого века*.

На этот раз он нажимает клавишу быстрого набора уже другого номера: не полицейского участка, а мобильного Пита. Его прежний напарник откликается на втором гудке:

– О, привет, старина. Как тебе на пенсии? – По голосу чувствуется, что он действительно рад звонку, и Ходжес улыбается. Ощущает и чувство вины, но у него и в мыслях нет дать задний ход.

– Я в порядке, – отвечает он, – но мне не хватает твоей толстой и вечно красной рожи.

– Естественно, не хватает. И в Ираке мы победили.

– Клянусь Богом, Пит. Как насчет того, чтобы встретиться за ленчем и наверстать упущенное? Ты выбираешь место, а я плачу.

– Идея мне нравится, но сегодня я уже поел. Как насчет завтра?

– Со временем у меня беда. Приезжает Обама, ему нужен мой совет по части бюджета, но, думаю, я кое-кого передвину. Видишь, в каком ты у меня фаворе?

– Да пошел ты сам знаешь куда, *Кермит*.

– Только после тебя. – Никакая музыка не могла звучать лучше.

– Как насчет «Димасио»? Тебе всегда там нравилось.

– «Димасио» подойдет. В полдень?

– Заметано.

– Ты уверен, что у тебя найдется время для такой старой шлюхи, как я?

– Билли, мог бы и не спрашивать. Хочешь, чтобы я привез Изабель?

Он не хочет, но отвечает:

– Решай сам.

Дружеская телепатия срабатывает, потому что после короткой паузы Пит говорит:

– Пожалуй, на этот раз лучше устроить мальчишник.

– Как скажешь. – В голосе Ходжеса слышится облегчение. – Жду встречи.

– Я тоже. Приятно слышать твой голос, Билли.

Ходжес разрывает связь и вновь смотрит на скалящийся смайлик. Тот полностью заполняет экран его компьютера.

10

Вечером Ходжес вновь сидит в кресле, смотрит одиннадцатичасовой выпуск новостей. В белой пижаме он выглядит разжиревшим призраком. На черепе кожа мягко поблескивает сквозь поредевшие волосы. Главная тема дня – платформа «Дипуотер хорайзн» в Мексиканском заливе, где нефть по-прежнему бьет ключом, загрязняя окружающую среду. Диктор говорит, что синеперый тунец в опасности, а в Луизиане о выращивании моллюсков можно забыть на целое поколение. В Исландии извергающийся вулкан (его название диктор превращает во что-то вроде «Эйджа-филл-кулл») все еще чинит препятствия трансатлантическому воздушному сообщению. В Калифорнии полиция сообщает, что наконец-то совершен прорыв в деле серийного убийцы, прозванного Угрюмым Соней. Пока никаких имен, но подозреваемого (*перка*, думает Ходжес) описывают как «вежливого афроамериканца с грамотной речью». «Если бы кто-нибудь поймал еще и Дорожного Джо, – думает Ходжес. – Не говоря об Усаме бен Ладене».

Появляется девушка-синоптик. Обещает тепло и синее небо. Время доставать купальники.

– Хотел бы посмотреть на тебя в купальнике, – говорит Ходжес и берет пульт дистанционного управления, чтобы выключить телевизор. Достает из ящика отцовский «тридцать восьмой», по пути в спальню разряжает его, кладет в сейф рядом с «глоком». В последние два или три месяца модель «Виктория» тридцать восьмого калибра подолгу не выходила у него из головы, но в этот вечер, запирая револьвер в сейф, он о нем и не думает. Думает о Дорожном Джо, но так, между прочим, потому что теперь Дорожный Джо – чужая проблема. Как и Угрюмый Соня, афроамериканец с грамотной речью.

Мистер Мерседес тоже афроамериканец? В принципе возможно, ведь никто ничего не видел, кроме эластичной маски клоуна, рубашки с длинными рукавами и желтых перчаток на руле, однако Ходжес считает иначе. Бог свидетель, чернокожих, способных на преступление, в городе предостаточно, но надо принимать во внимание использованное оружие убийства. Район, где жила мать миссис Трелони, – по большей части богатый и населен белыми. Черный мужчина, отирающийся около припаркованного «Мерседеса-S600», сразу привлек бы внимание.

Да. Вероятно. Люди бывают на удивление ненаблюдательными. Но по собственному опыту Ходжес знает, что у богатых с наблюдательностью получше, чем у подавляющего большинства американцев, особенно когда дело касается их дорогих игрушек. Он не хочет говорить, что у них *паранойя*, но...

Чего там, еще какая. Богатые могут быть щедрыми (даже те, кто исповедует леденящие кровь политические взгляды), да, могут быть щедрыми, но внутри, и не так чтобы глубоко, они всегда боятся, что кто-то собирается украсть их подарки и съесть именинный торт.

А как же тогда насчет аккуратности, вежливости и грамотности речи?

Да, решает Ходжес. Вещественных улик нет, но письмо предполагает, что он именно такой. Мистер Мерседес может носить костюм и работать в офисе или же одеваться в джинсы и рубашки «Кархартт» и балансировать колеса в гараже, но неряха – это не про него. Он, может, и не очень разговорчивый – такие люди осторожны во всех аспектах жизни, а это исключает склонность к болтовне, – но когда говорит, речь у него ясная и четкая. И если вы заблудились, он всегда подскажет, как добраться до нужного вам места.

Занимаясь чисткой зубов, Ходжес думает: ««Димасио». Пит хочет, чтобы мы встретились за ленчем в “Димасио”».

Это нормально для Пита, который по-прежнему при жетоне и пистолете, и Ходжес придерживался того же мнения по ходу разговора, потому что *думал* тогда как коп, а не пенсионер, набравший тридцать лишних фунтов. Может, ничего страшного – ясный день и все такое, – но «Димасио» расположен на границе Лоутауна, а туда туристов не водят. В квартале к западу от ресторана, за эстакадой платной автомагистрали, город уже не город: одни пустыри да брошенные здания. На улицах открыто продают наркотики. Процветает незаконная торговля оружием, поджоги – общее для района хобби. Если, конечно, Лоутаун можно назвать районом. Сам ресторан – с потрясающей итальянской кухней – совершенно безопасен. У владельца такие связи, что «Димасио» – та же «Бесплатная стоянка» в «Монополии».

Ходжес ополаскивает рот, возвращается в спальню и – все еще думая о «Димасио» – с сомнением смотрит на стенной шкаф, в котором за развешанными на плечиках брюками, рубашками и приталенными пиджаками, которые он больше не носит (так растолстел, что влезает только в два из них), спрятан сейф.

Взять «глок»? Может, «Викторию»? «Виктория» меньше.

Нет – и первому, и второму. Его лицензия на скрытое ношение оружия по-прежнему действует, но он не пойдет вооруженным на ленч со своим прежним напарником. Ему будет неловко, а он и так чувствует себя не в своей тарелке из-за планов, в которые посвящать Пита не собирается. Поэтому Ходжес идет к комоду, выдвигает ящик, заглядывает под стопку нижнего белья. Веселый ударник на месте, лежит там после прощальной вечеринки.

Ударника вполне хватит. Маленькая страховка в крайне неблагополучной части города.

Довольный принятым решением, он идет к кровати и выключает свет. Сует руки в мистический холодный карман под подушкой и думает о Дорожном Джо. Джо пока везет, но, вероятно, его все-таки поймают. Не потому, что он продолжает нападать на людей на площадках отдыха у автострад, а потому, что он не может прекратить убивать. Он думает о письме Мистера Мерседеса: *Но к моему случаю это не относится, потому что у меня абсолютно нет желания сделать это снова.*

Говорит правду или лжет, как лгал своими ФРАЗАМИ С ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, и МНОЖЕСТВОМ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ЗНАКОВ, и АБЗАЦАМИ ИЗ ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ?

Ходжес думает, что он лжет, – возможно, и самому себе, не только К. Уильяму Ходжесу, детективу-пенсионеру, – но в данный момент, когда Ходжес, засыпая, лежит в кровати, его это не волнует. Главное в другом: этот парень думает, что он в безопасности. Он от этого просто тащится. Похоже, не осознает, что подставился, написав письмо человеку, который до выхода на пенсию возглавлял расследование массового убийства у Городского центра.

Тебе хочется поговорить об этом, верно? Да, хочется, милоч, не лги своему старому дяде Билли. И если сайт «Под синим зонтом Дебби» – не очередной ложный след, как все эти закавыченные цитаты, ты прорыл тоннель в свою жизнь. Ты хочешь поговорить. У тебя насыщенная

потребность поговорить. И если ты сможешь втянуть меня во что-то, это будет лишь дополнительный бонус, правильно?

В темноте Ходжес говорит:

– Я готов тебя выслушать. Времени у меня достаточно. Я, в конце концов, детпен. Улыбаясь, он засыпает.

11

На следующее утро Фредди Линклэттер сидит на краю разгрузочной платформы и курит «Мальборо». Ее аккуратно сложенная куртка с надписью «Дисконт электроникс» на спине лежит рядом, на куртке – бейсболка с буквами «ДЭ». Фредди рассказывает о каком-то иисусоносце, который ее доставал. Люди вечно ее достают, и она рассказывает об этом Брейди в обеденный перерыв. Во всех подробностях, потому что Брейди слушать умеет.

– Вот он подходит ко мне и говорит: все гомосексуалы попадают в ад, и эта брошюра объясняет почему. Ну, я ее и беру, так? На обложке картинка двух узкозадых парней-геев – в спортивных костюмах, клянусь Богом, – которые держатся за руки и смотрят в пещеру, где бушует пламя. Плюс дьявол! С вилами! Я не несу пургу. Однако я пытаюсь с ним это обсудить. У меня ощущение, что он хочет завязать диалог. Вот я и говорю: слушай, ты должен оторваться от Книги Лабитта – или что ты там постоянно читаешь – и ознакомиться с последними научными исследованиями. Люди *рождаются* гомосексуальными, доступно это тебе? Он говорит: такое просто не может быть правдой. Гомосексуальность – усвоенная модель поведения и сама по себе не возникает. Но я не могу в это поверить. Я же вижу, что он пудрит мне мозги. Но я ему это не говорю. Я говорю другое: посмотри на меня, чувак, посмотри как следует. Не стесняйся, разгляди от пяток до макушки. Что ты видишь? И прежде чем ты начнешь вновь вешать мне лапшу на уши, я сама тебе скажу. Ты видишь *парня*, вот что. Только Бог в какой-то момент отвлекся перед тем, как пришлепнуть мне член, и взял то, что лежало рядом. Так *потом* он...

Брейди следит за рассказом Фредди, пока она не добирается до Книги Лабитта (она понимает Книгу Левита, но Брейди лень поправлять ее), а потом теряет нить, прислушивается разве что к интонациям, чтобы вставлять иногда «да-да» или «ага». Он ничего не имеет против ее монолога, который успокаивает, совсем как «Эл-си-ди саундсистем», которую он иногда слушает на айпоне, когда ложится спать. Фредди Линклэттер очень высокая, со своими шестью футами и двумя или тремя дюймами возвышается над Брейди и говорит чистую правду: она похожа на девушку ничуть не больше, чем Брейди Хартсфилд – на Вина Дизеля. Прямые джинсы, байкерские сапоги, простая белая футболка, которая висит ровненько, безо всякого намека на грудь. Русые волосы торчат на четверть дюйма. Ни сережек, ни косметики. Возможно, по мнению Фредди, «Макс Фактор» – синоним того, что какой-то парень сделал с какой-то девушкой за отцовским амбаром.

Он говорит «ага», и «да-да», и «точно», гадая при этом, как старый коп отреагировал на его письмо и попытается ли старый коп связаться с ним через «Синий зонт». Он знает, что отправка письма – риск, но не сильно большой. Стиль он изменил кардинально, сам пишет совсем иначе. Шансы, что старый коп выудит из письма что-то полезное, минимальны, может, и вообще нулевые.

«Синий зонт Дебби» – чуть больший риск, но если старый коп думает, что сумеет проследить весь путь до компьютера Брейди, то его ждет большой сюрприз. Серверы «Дебби» – в Восточной Европе, а в Восточной Европе защищенность компьютерной информации – что гигиена в Америке: ей поклоняются почти как Богу.

– Так он продолжает гнуть свое, клянусь, это правда, продолжает. У нас в церкви много молодых женщин-христианок, которые покажут тебе, как прихорашиваться. А если ты отращишь волосы, то станешь красивой. Можешь ты в это поверить? Вот я и говорю ему: если тебя

подкрасить, ты тоже станешь красивым. Надень кожаный пиджак и высокий жесткий воротник, и какая-нибудь озабоченная деваха обязательно склеит тебя в «Коррале». Получишь свой первый шанс вставить. Это не на шутку выводит его из себя, и он говорит, если ты думаешь, тут что-то личное...

В любом случае, если старый коп захочет проследить сетевой путь, ему придется отдать письмо экспертам технического отдела, а Брейди думает, что старый коп этого не сделает. Во всяком случае, сразу. Ему скучно, надоело сидеть и бить баклуши в компании телика. И разумеется, револьвера, который он держит под рукой вместе с пивом и журналами. Нельзя забывать про револьвер. Брейди не видел, как старый коп совал ствол в рот, но на его глазах тот несколько раз брал оружие в руки. Счастливые, всем довольные люди не сидят с оружием на коленях.

– Вот я и говорю: я пойду. Не злись. Если кому-то не нравятся ваши драгоценные идеи, вы, парни, всегда злитесь. Ты не замечал такого в христерах¹⁴?

Он не замечал, но соглашается с ней.

– Только этот слушал. Действительно слушал. И в итоге мы пошли в «Пекарню Хоссени» и выпили кофе. А там – я знаю, в это трудно поверить – у нас получилось что-то вроде диалога. Насчет человечества я особых надежд не питаю, но иной раз...

Брейди не сомневается, что письмо взбодрит старого копа, во всяком случае, поначалу. Он не сочтет все эти цитаты глупостью и сразу увидит завуалированный совет покончить с собой, как это сделала миссис Трелони. *Завуалированный?* Ну, не слишком. Достаточно ясный. Брейди верит, что старый коп будет хорохориться, хотя бы какое-то время. А когда увидит, что результатов – ноль, разочарование окажется сильным. И потом – при условии, что старый коп проглотит приманку «Синего зонта», – Брейди сможет быстренько довести его до кондиции.

Старый коп думает: *Если я сумею тебя разговорить, то сумею и поймать.*

Только Брейди готов поспорить, что старый коп никогда не читал Ницше. Брейди готов спорить, что старый коп – скорее поклонник Джона Гришэма. Если вообще читает. «Когда ты смотришь в бездну, – писал Ницше, – бездна тоже смотрит в тебя».

Бездна – это я, старичок. Я.

Старый коп, конечно, более серьезный вызов в сравнении с бедной, мучившейся чувством вины Оливией Трелони... но достигнутый результат вызвал такой выброс адреналина, что Брейди хочет его повторить, ничего не может с собой поделаться. В каком-то смысле подталкивание Сладкой Ливви к самоубийству принесло ему даже большее удовлетворение, чем превращение в кровавое месиво всех этих ищущих работу говнюков у Городского центра. Потому что потребовало умственных усилий. Потребовало решимости. Потребовало планирования. И помощь копов пришлась кстати. Догадались ли они, что их ошибочные версии отчасти привели к самоубийству Сладкой Ливви? Хантли, конечно, нет, такая мысль просто не могла прийти в голову этому работяге. А Ходжес? У него могли возникнуть сомнения. Несколько маленьких мышек грызли проводки в мозгах этого умника копа. Брейди на это надеется. Если нет, у него, возможно, появится шанс прямо сказать об этом жирному экс-копу. На сайте «Синий зонт».

Но львиную долю работы сделал он. Брейди Хартсфилд. Имеет полное право это утверждать. Городской центр – это удар кувалдой. С Оливией Трелони в ход пошел скальпель.

– Ты меня слушаешь? – спрашивает Фредди.

Он улыбается:

– Извини, на минутку отвлекся.

Никогда не лги, если можешь сказать правду. Правда – не всегда самый безопасный путь, но очень часто. Он лениво задается вопросом, а что бы она сказала, услышав от него: *Фредди,*

¹⁴ Христер – христианин, проповедующий слово Божье тем, кто не хочет его слушать (уличный проповедник).

я и есть Мерседес-убийца. Или: Фредди, у меня в подвальном чулане – девять фунтов самодельного пластика.

Она смотрит так, словно может читать его мысли, и Брейди на мгновение становится не по себе. Но она говорит:

– Это все две работы, дружище. Они тебя доконают.

– Да, но я хочу вернуться в колледж, и никто не заплатит за учебу, кроме меня. А еще у меня мама.

– И ее тяга к вину.

Он улыбается:

– Если на то пошло, мама предпочитает водку.

– Пригласи меня в гости, – мрачно предлагает Фредди. – Я затащу ее на собрание гребанных Анонимных алкоголиков.

– Ничего не выйдет. Ты знаешь, что сказала Дороти Паркер? Шлюху можно приобщить к культуре, но думать ее не заставишь.

Фредди мгновение обдумывает фразу, откидывает голову и смеется хрипловатым из-за «Мальборо» смехом.

– Я не знаю, кто такая Дороти Паркер, но это я запомню. – Она становится серьезной. – Слушай, а почему не попросить Фробишера дать тебе еще несколько часов? Твоя вторая работа – просто мура.

– Я скажу тебе, почему он не просит Фробишера дать ему больше часов, – говорит Фробишер, выходя на разгрузочную площадку. Энтони Фробишер молод и из-за толстых очков напоминает ботаника. В этом он схож с большинством сотрудников «Дисконт электроникс». Брейди тоже молод, но симпатичнее Тоунса Фробишера. Тем не менее он не красавчик. Брейди это устраивает. Не выделяться из толпы для него только в плюс.

– Выкладывай, – кивает Фредди и тушит окурочок. На другой стороне разгрузочной зоны, за громадой гипермаркета в южном конце торгового центра «Берч-хилл», стоят автомобили сотрудников (по большей части старые) и три новеньких фольксвагеновских «жука» ярко-зеленого цвета. Они всегда чисто вымыты, и лучи весеннего солнца отражаются от ветровых стекол. На дверцах – синие надписи: «ПРОБЛЕМЫ С КОМПЬЮТЕРОМ? ПОЗВОНИ В КИБЕРПАТРУЛЬ “ДИСКОНТ ЭЛЕКТРОНИКС”».

– «Контур-сити» закрылся, «Лучшая покупка» едва дышит, – говорит Фробишер учительским тоном. – «Дисконт электроникс» *тоже* едва дышит, вместе с целыми отраслями бизнеса, которые скорее мертвы, чем живы, и все из-за компьютерной революции. Это и газеты, и книжные издательства, и магазины записей, и Почтовая служба Соединенных Штатов. Я перечислил далеко не все.

– Магазины записей? – спрашивает Фредди, затягиваясь новой сигаретой. – Каких таких записей?

– Обхохочешься, – отвечает Фробишер. – У меня есть друг, который заявляет, что у розовых нет чувства юмора, но...

– У тебя есть друзья? – перебивает Фредди. – Ух ты! Кто бы мог подумать?

– ...твой пример доказывает, что он не прав. Вы не можете получить больше часов, потому что компания выживает на одних только компьютерах. Преимущественно дешевых, собранных в Китае или на Филиппинах. Великому большинству наших покупателей больше не нужно прочее дерьмо, которое мы продаем. – Брейди думает, что только Тоунс Фробишер мог сказать «великое большинство». – Отчасти причина в технической революции, но еще и в том...

– ...что Барак Обама – *наихудший* выбор, который когда-либо сделала эта страна! – хором восклицают Фредди с Брейди.

Фробишер мрачно смотрит на них, потом изрекает:

– По крайней мере вы меня слушаете. Брейди, ты заканчиваешь в два, правильно?

– Да. Моя вторая работа начинается в три.

Фробишер морщит занимающий пол-лица шнобель, показывая, что он думает о второй работе Брейди.

– Я слышал, ты что-то говорил о возвращении в колледж?

Брейди молчит, потому что любой его ответ может быть воспринят негативно. Энтони Фробишер по прозвищу Тоунс не должен знать, что Брейди ненавидит его. *Презирает*. Брейди ненавидит всех, включая пьющую мать, но, как говорится в песне, никому не нужно знать об этом прямо сейчас.

– Тебе двадцать восемь, Брейди. Ты достаточно взрослый, чтобы не полагаться на говняный общий котел для оплаты страховки своего автомобиля – и это хорошо, – но ты чуть старше, чем нужно, чтобы учиться на инженера-электрика. Или программиста, если на то пошло.

– Не будь жабой, – говорит Фредди. – Не будь Тоунс-жабой.

– Если правда превращает человека в жабу, тогда я согласен быть жабой.

– Да, – кивает Фредди, – таким ты и войдешь в историю. Тоунс, Жаба-правдуроб. В школе детям будут рассказывать о тебе.

– Я не возражаю против толики правды, – вставляет Брейди тихим, спокойным голосом.

– Хорошо. Тогда ты не будешь возражать и против того времени, которое потратишь на инвентаризацию и наклеивание новых ярлыков на DVD. Можешь приступить.

Брейди добродушно кивает, встает, отряхивает пыль со штанов. «Дисконт электроники» начинает распродажу DVD за полцены со следующей недели. Руководство компании в Нью-Джерси решило, что «ДЭ» должен выйти из торговли DVD к январю 2011 года. Когда-то прибыльное направление удушили «Нетфликс» и «Редбокс». Скоро в магазине не останется ничего, кроме настольных компьютеров (собранных в Китае и на Филиппинах) и телевизоров с плоским экраном, которые из-за рецессии мало кто мог себе позволить.

– У тебя вызов. – Фробишер поворачивается к Фредди, протягивает ей розовую накладную. – У старушки завис компьютер. Или не шевелится экран, как она говорит.

– Да, *mon capitain*¹⁵. Я живу, чтобы служить. – Она встает, отдает честь и берет накладную.

– Заправь футболку. И надень бейсболку, чтобы наша клиентка не пришла в ужас от твоей стрижки. Не гони. Получишь еще один штраф, и работа в киберпатруле для тебя закончится. Опять же перед отъездом подбери свои гребаные окурки. – Он уходит в магазин, прежде чем она успевает найтись с ответом.

– Ярлыки на DVD – тебе, а старушка, у которой системный блок наверняка засыпан хлебными крошками, – мне, – говорит Фредди, спрыгивает на землю, надевает бейсболку. Скручивает накладную и направляется к «жуку», не удостоив окурки и взглядом. На мгновение останавливается, чтобы повернуться к Брейди, упирается руками в практически несуществующие бедра. – Не такой я представляла свою жизнь, когда училась в пятом классе.

– Я тоже, – ровным голосом отвечает Брейди.

Он наблюдает, как она уезжает спасать старушку, которая, вероятно, сходит с ума, лишившись возможности загрузить рецепт любимого яблочного пирога без яблок. На этот раз Брейди задается вопросом, какой будет реакция Фредди, если он расскажет ей, как жил, когда был мальчишкой. Когда убил своего брата. Когда мать прикрыла его.

И почему нет?

В конце концов, это была ее идея.

¹⁵ Мой капитан (*иск. фр.*).

Брейди приклеивает желтые ярлыки пятидесятипроцентной скидки к старым фильмам Квентина Тарантино, Фредди помогает пожилой миссис Вере Уилкинс, проживающей в Уэст-Сайде (оказалось, что хлебными крошками забита клавиатура), а Билл Ходжес поворачивает на Лоубрайр, четырехполосную улицу, пересекающую город, которая и дала название Лоутауну, а потом на стоянку у итальянского ресторана «Димасио». Ему не нужно изображать Шерлока Холмса, чтобы понять, что Пит его опередил. Ходжес паркуется рядом с простеньким серым седаном «шевроле», который разве что не кричит: «Городская полиция!» Вылезает из старой «тойоты», которая разве что не кричит: «Старикан-пенсионер!» Прикасается к капоту «шевроле». Теплый. Пит опередил его ненамного.

Ходжес замирает на мгновение, наслаждаясь поздним утром с ярким солнцем и резкими тенями, глядя на эстакаду в квартале от ресторана. Он знает, что все колонны изрисованы, и хотя под эстакадой сейчас никого нет (полдень – время завтрака для молодого поколения Лоутауна), его встретит кислый запах дешевого вина и виски, под ногами будут хрустеть осколки, а еще больше бутылок – маленьких, из коричневого стекла – он увидит в ливневых канавах.

Теперь это не его проблема. Кроме того, в сумраке под эстакадой сейчас пусто, а его ждет Пит. Ходжес входит, и ему приятно, что Элейн идет навстречу от стойки менеджера зала и приветствует его по имени, хотя он не появлялся здесь многие месяцы. Может, и целый год. Разумеется, Пит в одной из кабинок, уже машет рукой, и это Пит скорее всего «освежил память» Элейн, как говорят адвокаты.

Он тоже машет, а когда добирается до кабинки, Пит уже стоит рядом с ней, протягивая руки, чтобы заключить напарника в медвежье объятие. Они хлопают друг друга по спине положенное число раз, и Пит говорит ему, что он хорошо выглядит.

– Ты знаешь три возраста мужчины? – спрашивает Ходжес.

Пит, улыбаясь, качает головой.

– Юность, зрелость и «ты отлично выглядишь».

Пит гогочет, а потом спрашивает Ходжеса, знает ли тот, что сказала блондинка, открыв коробку «Чириос». Ходжес отвечает, что нет. Пит делает круглые глаза и говорит:

– Ой! Посмотрите на эти славные маленькие семена пончиков.

Ходжес показывает, что умеет громко смеяться, хотя думает, что это не лучший пример анекдотов про блондинок. На этом обмен любезностями заканчивается, и они садятся. Подходит официант – в «Димасио» никаких официанток, только мужчины в возрасте, и их белоснежные фартуки завязаны не на талии, а на цыплячьей груди, – и Пит заказывает кувшин пива. «Бад лайт» – не «Айвори спешл». Когда кувшин на столе, а пиво разлито по стаканам, Пит поднимает свой.

– За тебя, Билли, и за жизнь после работы.

– Спасибо.

Они чокаются и пьют. Пит спрашивает об Элли, а Ходжес спрашивает о сыне и дочери Пита. Их жены – обе в разряде бывших – появляются в разговоре (чтобы доказать друг другу и себе, что они не боятся говорить о них), а потом полностью из него исчезают. Они заказывают еду. К тому времени когда ее приносят, они обсудили двух внуков Ходжеса и проанализировали шансы «Кливлендских индейцев», географически ближайшей к их городу профессиональной бейсбольной команды. Пит заказал равиоли, Ходжес – спагетти с чесноком и маслом, как и всегда.

Наполовину уговорив свою калорийную бомбу, Пит достает из нагрудного кармана сложенный листок и многозначительно кладет рядом с тарелкой.

– Это что? – спрашивает Ходжес.

– Доказательство, что мои детективные навыки не ржавеют и я по-прежнему в форме. Я не видел тебя с той жуткой вечеринки в «Рейнтри инн» – между прочим, потом три дня мучился похмельем, – а говорил с тобой... сколько... дважды? Трижды? И вдруг ты приглашаешь меня на ленч. Удивлен ли я? Нет. Чую ли я какой-то тайный мотив? Да. Так давай поглядим, прав ли я.

Ходжес пожимает плечами.

– Я – тот самый любопытный кот. Знаешь, как говорят... утоление любопытства воскресило кота.

Пит Хантли широко улыбается, но когда Ходжес протягивает руку к сложенному листку, накрывает его ладонью.

– Нет, нет, нет, нет. Ты должен сказать, что там написано. Не юли, *Кермит*.

Ходжес вздыхает и один за другим загибает четыре пальца, озвучивая общеизвестные истины. Когда с этим покончено, Пит протягивает ему листок. Ходжес разворачивает его и читает:

1. Дэвис

2. Парковый насильник

3. Ломбарды

4. Мерседес-убийца

Ходжес прикидывается, будто потрясен.

– Я в ауте, шериф. Ничего не говори, если не хочешь.

Пит становится серьезным.

– Господи, если бы тебя не интересовали дела, которые оставались в оперативной разработке, когда ты сдал жетон, я бы разочаровался. Даже... начал бы тревожиться за тебя.

– Я не хочу влезать в них или что-то такое. – Ходжес даже удивлен, как легко слетает с губ столь чудовищная ложь.

– У тебя растёт нос, Пиноккио.

– Нет, я серьезно. Просто захотелось узнать последние данные.

– Рад помочь. Давай начнем с Доналда Дэвиса. Его прошлое тебе известно. Все предприятия, которые он создавал, разорвались. Последним стал салон «Классические автомобили Дэвиса». Парень в таких долгах, что ему впору нырнуть на дно, как капитану Немо. Плюс две или три симпатичных любовницы.

– Когда я уходил, их было три, – говорит Ходжес, вновь принимаясь за спагетти. Он здесь не из-за Доналда Дэвиса, и не из-за насильника из Городского парка, и не из-за того парня, который последние четыре года грабит ломбарды и винные магазины. Они – ширма. Но ему тем не менее интересно.

– Жене надоедают долги и любовницы. Она исчезает, готовя документы на развод. История стара как мир. Он заявляет о ее исчезновении и в тот же день объявляет о своем банкротстве. Следуют телевизионные интервью, он выжимает из себя ведро крокодиловых слез. Мы знаем, что он ее убил, но пока нет тела... – Пит пожимает плечами. – Ты же участвовал в совещаниях с Крутой Дианой. – Это городской прокурор.

– Обвинения ему так и не предъявили?

– Нет трупа – нет обвинений. Копы в Модесто знали, что Скотт Питерсон виновен, как смертный грех, но все равно не могли его посадить, пока не обнаружили тела жены и ребенка. Ты в курсе.

Это точно. Они с Питом частенько обсуждали Скотта и Лейси Питерсон, когда расследовали исчезновение Шейлы Дэвис.

– Но знаешь что? В их летнем коттедже у озера обнаружили кровь. – Пит выдерживает паузу, потом взрывает еще одну бомбу: – Ее кровь.

Ходжес наклоняется вперед, еда временно забыта.

– Когда?

– В прошлом месяце.

– И ты мне не сказал?

– Сейчас говорю. Потому что ты спрашиваешь. Поиски продолжаются. Этим занимаются копы округа Виктор.

– Кто-нибудь видел его в тех местах перед исчезновением Шейлы?

– Да. Двое мальчишек. Дэвис утверждает, что ходил по грибы. Гребаный Юэлл Гиббонс¹⁶. Когда они найдут тело – если найдут, – старине Донни Дэвису не придется ждать семь лет, прежде чем подать прошение о признании ее умершей и забрать страховку. – Пит широко улыбается. – Подумай, сколько он сэкономит времени.

– А что насчет Паркового насильника?

– Это лишь вопрос времени. Мы знаем, что он белый, мы знаем, что ему двадцать или чуть больше, и мы знаем, что у него ненасытный аппетит к хорошо ухоженной дамской киске.

– Ловите на живца, так? Потому что он любит теплую погоду.

– Ловим и поймаем.

– Будет хорошо, если вы поймаете его, прежде чем он изнасилует еще одну пятидесятилетнюю даму, возвращающуюся домой с работы.

– Мы делаем все, что можем. – На лице Пита отражается легкое раздражение. Подходит официант, чтобы спросить, все ли в порядке, и Пит машет рукой, показывая, что пока они в его услугах не нуждаются.

– Я знаю. – Тон у Ходжеса успокаивающий. – А этот наш специалист по ломбардам?

Губы Пита растягиваются в широченную улыбку.

– Юный Эрон Джефферсон.

– Кто?

– Это его настоящее имя, хотя он называл себя Уай-Эй, когда играл в футбол за Городскую среднюю школу. Ты понимаешь, как Уай-Эй Титтл¹⁷. Хотя его подруга – и мать его трехлетнего сына – говорит, что он называет этого парня Уай-Эй Титтис. Когда я спросил, в шутку или всерьез, она ответила, что понятия не имеет.

Это еще одна история, которую Ходжес знает очень хорошо: такая старая, что ноги, вероятно, растут из Библии... или в ней есть какая-то ее версия.

– Позволь догадаться. На его счету уже дюжина ограблений...

– Четырнадцать. Размахивает этим обрезом, как Омар в «Прослушке»...

– ...и не попадает, потому что дьявол на его стороне. Потом он изменяет маме своей крошки. Та выходит из себя и сдает его.

Пит нацеливает палец в прежнего напарника.

– В яблочко. И в следующий раз, когда юный Эрон войдет в ломбард или в винный магазин, размахивая обрезом, мы будем знать заранее и, как ангелы, спустимся с небес.

– А чего ждать?

– Опять городской прокурор. Если приносишь Крутой Диане стейк, она говорит: приготовь его, как я люблю, а если он будет пережарен или недожарен, я отошлю его назад.

– Но вы его пасете.

¹⁶ Гиббонс, Юэлл Теофилус (1911–1975) – американский натуралист, пропагандировавший натуральное питание («подножный корм»).

¹⁷ Титтл, Йелбертон Абрахам (р. 1926) – знаменитый куотербек 50–60-х гг. XX в.

– Готов спорить на комплект белобоких покрышек, что Уай-Эй Титтис будет в тюрьме округа до Четвертого июля. А в тюрьме штата – до Рождества. С Дэвисом и Парковым насильником, возможно, придется повозиться подольше, но мы их возьмем. Хочешь десерт?

– Нет. Да. – Официанту он говорит: – У вас все еще есть ромовый торт? С черным шоколадом?

Официант выглядит оскорбленным.

– Да, сэр. Всегда.

– Я возьму кусок. И кофе. Пит?

– Обойдусь оставшимся пивом. – С этими словами он выливает пиво из кувшина в свой стакан. – Ты уверен насчет торта, Билли? По-моему, ты набрал несколько фунтов с тех пор, как мы виделись последний раз.

Это правда. На пенсии в еде Ходжес себе не отказывал, но только в последние два дня она обрела для него вкус.

– Я думаю насчет «Следящих за весом».

Пит кивает.

– Да? А я думаю, не податься ли мне в священники.

– Пошел ты. А что по Мистеру Мерседесу?

– Мы все еще работаем по району Трелони. Собственно, Изабель и сейчас там. Но я буду в шоке, если она или кто-то еще найдет хоть одну ниточку. В любую дверь, в которую постучится Иззи, уже стучались пять-шесть раз. Этот парень украл дорогую тачку Трелони, выехал из тумана, сделал свое черное дело, уехал в туман, бросил тачку и... все. Какой там Уай-Эй Титтис! Если кому дьявольски повезло, так это Мистеру Мерседесу. Если бы он попытался проделать это часом позже, там бы уже были копы. Для обеспечения порядка.

– Я знаю.

– Думаешь, он знал, Билли?

Ходжес неопределенно взмахивает рукой, показывая, что вопрос открыт. Может, если он и Мистер Мерседес наладят контакт на сайте «Синий зонт», он спросит.

– Этот говнюк-убийца мог потерять контроль над автомобилем, когда начал давить людей, но не потерял. Чудо немецкой инженерной мысли, вот что говорит Изабель, лучший автомобиль в мире. Кто-то мог прыгнуть на капот и перекрыть ему обзор, но никто не прыгнул. Одна из стоек, к которым крепилась лента, могла попасть под машину, зацепиться за днище, но не зацепилась. И кто-то мог увидеть его, когда он парковался за складом и снимал маску, но никто не увидел.

– Он парковался в двадцать минут шестого, – напоминает Ходжес, – а то место пустует и в полдень.

– Из-за рецессии, – мрачно добавляет Пит. – Да, да. Вероятно, половина людей, прежде работавших на том складе, пришла к Городскому центру в ожидании открытия ярмарки вакансий. Кто рано встает, тому Бог подает.

– То есть у тебя ничего нет.

– Тишь да гладь.

Приносят заказанный Ходжесом торт. Запах отменный, вкус еще лучше.

Когда официант отходит, Пит наклоняется над столом.

– Мой ночной кошмар – он сделает это снова. С озера на город наползет туман, и он сделает это снова.

Он говорит, что не сделает, отмечает про себя Ходжес, отправляя в рот очередной кусок восхитительного торта. Он говорит, у него *абсолютно нет желания*. Он говорит, *одного раза достаточно*.

– Это или что-то еще, – соглашается Ходжес.

– Я поругался с дочерью в марте, – говорит Пит. – *Жутко* поругался. В апреле ни разу с ней не виделся. Она не желала приезжать ко мне на выходные.

– Правда?

– Да. Она хотела пойти посмотреть конкурс групп поддержки. «Зажигай», думаю, так он называется. Практически все школы штата в нем участвовали. Ты помнишь, как Кэнди относилась к группам поддержки?

– Ага. – Он не помнил.

– У нее была короткая плиссированная юбка, когда ей было то ли четыре, то ли шесть. Так она чуть ли не спала в ней. Матери двух ее подружек сказали, что повезут их на конкурс, но я запретил. Знаешь почему?

Конечно, он знает.

– Потому что конкурс проводили в Городском центре, вот почему. Я будто видел примерно тысячу девочек-подростков и их мам, толпящихся у Городского центра, ожидающих, когда откроются двери, только в сумерках, а не на заре, но ты знаешь, что туман наползает с озера и в это время. Я буквально видел, как этот членосос врзается в них на другом угнанном «мерседесе» – а может, на этот раз на гребаном «хаммере», – а дети и мамы просто стоят, смотрят, как олени, на огни фар. Поэтому я ей запретил. Слышал бы ты, как она на меня кричала, Билли, но я все равно запретил. Она не разговаривала со мной месяц, и сейчас бы не разговаривала, если бы Морин не отвезла ее. Я сказал Мо: нельзя, не смей, а она ответила: «Поэтому я и развелась с тобой, Пит. Надоело слышать твои “нельзя” и “не смей”». И разумеется, ничего не случилось.

Он допивает пиво, вновь наклоняется вперед.

– Мне хотелось бы, чтобы со мной были другие люди, когда мы его поймем. Если я поймаю его один, то убью только за то, что он выставил меня круглым дураком перед моей дочерью.

– Тогда к чему надеяться, что тебя остановят?

Пит обдумывает его слова, потом улыбается:

– Пожалуй, ты прав.

– Ты когда-нибудь думал о миссис Трелони? – как бы между прочим спрашивает Ходжес, но он много думал об Оливии Трелони с того момента, как анонимное письмо упало на пол прихожей. И даже раньше. Несколько раз после ухода на пенсию она ему пригрезилась. Это длинное лицо – морда несчастной лошади. Такое лицо говорит: *никто не понимает меня и весь мир против меня*. Столько денег – и неспособность осознать собственное счастье, начиная с того, что у нее не было необходимости зарабатывать на жизнь. Прошли долгие годы с тех пор, когда миссис Ти приходилось соотносить расходы с доходами или отслеживать по автоответчику звонки кредиторов, но она по-прежнему лишь считала проклятия да вела длинный список плохих парикмахеров и грубых сотрудников сферы обслуживания. Миссис Оливия Трелони с ее бесформенными платьями с вырезом-«лодочкой» считала, что лодки вечно кренятся то на правый борт, то на левый. И глаза у нее всегда были на мокром месте. Никто не любил ее, включая детектива первого класса Кермита Уильяма Ходжеса. Никто не удивился, когда она покончила с собой, включая того самого детектива Ходжеса. Смерть восьми человек, не упоминая про множество покалеченных, – тяжелая ноша для совести любого.

– Чего о ней думать?

– А она правду говорила? Насчет ключа?

Пит вскидывает брови.

– Она *думала*, что говорит правду. Ты знаешь это не хуже моего. Убедила себя в этом до такой степени, что прошла бы проверку на детекторе лжи.

Все так, и Оливия Трелони не стала для них откровением. Бог свидетель, они видели таких же, как она. Рецидивисты признавали себя виновными, даже когда не совершали пре-

ступления или преступлений, в которых подозревались, потому что чертовски хорошо знали: *в чем-то* они да виноваты. Добропорядочные граждане обычно просто не могли поверить в свою вину, и если кого-то из них допрашивали перед тем, как предъявить обвинения, Ходжес знал, что причина допроса почти наверняка не была связана с оружием. Нет, чаще всего это был автомобиль. *Я думал, что всего-то переехал собаку*, обычно говорили они независимо от того, что видели в зеркале заднего вида после жуткого двойного прыжка, и верили в это.

Всего-то собаку.

– А я думал, – говорит Ходжес. Как бы размышляя, стараясь не подавать виду, что это наиболее важный для него момент.

– Да перестань, Билл. Ты видел то же, что и я, и всякий раз, когда надо освежить память, ты можешь заглянуть в участок и вновь просмотреть фотографии.

– Пожалуй.

Начальные аккорды «Ночи на Лысой горе» звучат из кармана спортивного пиджака Пита, купленного в «Доме мужской одежды». Он выуживает мобильник, смотрит на экран и говорит:

– Должен ответить.

Ходжес машет рукой: само собой.

– Алло? – Пит слушает, его глаза округляются, он вскакивает так быстро, что стул едва не падает. – *Что?*

Другие посетители ресторана отрываются от трапезы и оглядываются. Ходжес с интересом наблюдает.

– Да... Да! Уже еду. Что? Да, да, хорошо. Не жди, поезжай.

Он закрывает мобильник и садится. Буквально вибрирует от распирающей его энергии, и в этот момент Ходжес отчаянно ему завидует.

– Мне надо почаще встречаться с тобой, Билли. Ты мой счастливый талисман и всегда им был. Мы говорим об этом – и это случается.

– Что? – И думает: *Это Мистер Мерседес*. Далее следует нелепая и печальная мысль: *Его должен был взять я*.

– Это Иззи. Ей только что позвонил полковник полиции штата. Из округа Виктор. Примерно час назад егерь обнаружил какие-то кости в старом гравийном карьере. Карьер менее чем в двух милях от летнего коттеджа Донни Дэвиса на озере, и знаешь что? На костях обрывки платья.

Он поднимает руку над столом. Ходжес звонко хлопает ладонью о ладонь Пита.

Пит возвращает мобильник в отвисший карман, достает бумажник. Ходжес качает головой, точно зная, что сейчас чувствует: облегчение. *Безмерное* облегчение.

– Нет, я угощаю. Ты встречаешься с Изабель там?

– Да.

– Тогда не теряй времени.

– Ладно. Спасибо за ленч.

– Один момент... слышал что-нибудь про Дорожного Джо?

– Этим занимается полиция штата. И федералы. Чему я только рад. Насколько мне известно, пока у них ничего нет. Ждут, что он сделает это снова, и надеются, что им повезет. – Он смотрит на часы.

– Иди, иди.

Пит направляется к двери, останавливается, возвращается к столу, наклоняется и чмокает Ходжеса в лоб.

– Рад видеть тебя, милый.

– Проваливай, – говорит ему Ходжес. – Люди скажут, что мы любовники.

Пит широко улыбается, а Ходжес вспоминает, как они иногда называли себя: гончие небес.

И задается вопросом, а какой у него теперь нюх?

13

Официант возвращается, чтобы спросить, не нужно ли чего-нибудь еще. Ходжес уже собирается ответить отрицательно, но потом заказывает новую чашку кофе. Хочет еще немного посидеть, смакуя двойную радость: это не Мистер Мерседес, а Донни Дэвис, лицемерный членосос, убивший жену, а потом через своего адвоката создавший фонд, чтобы выплатить вознаграждение за информацию, которая помогла бы ее разыскать. Потому что, дорогой Боже, он так любил ее и больше всего на свете хотел, чтобы она вернулась домой и они начали все с чистого листа.

Он также хочет подумать об Оливии Трелони и ее угнанном «мерседесе». В том, что его угнали, сомнений нет ни у кого. Но, несмотря на уверения миссис Ти в обратном, никто не верит, что она не поспособствовала краже.

Ходжес помнит расследование, о котором рассказала им только что прибывшая из Сан-Диего Изабель Джейнс, после того как они ввели ее в курс дела по части непроизвольного – и нигде не озвученного – участия миссис Трелони в бойне у Городского центра. В истории Изабель фигурировал не автомобиль, а пистолет. Ее с напарником вызвали в дом, где девятилетний мальчик застрелил свою четырехлетнюю сестру. Они играли автоматическим пистолетом, который их отец оставил на комод.

«Отцу обвинение не предъявили, но он не простит себе этого до конца жизни, – сказала она. – Здесь тот самый случай, подождите и увидите».

Прошел месяц, прежде чем Трелони наглоталась таблеток, а может, и меньше, и никто из детективов, расследовавших дело Мерседеса-убийцы, и ухом не повел. Они – и он – видели в миссис Ти переполненную жалостью к себе богатую женщину, которая отказывалась признать свою роль в случившемся.

«Мерседес-S600» украли в центре города, но миссис Трелони, вдова, муж-миллионер которой умер вроде бы от рака, жила в Шугар-Хайтс, пригороде, таком же богатом, как и его название, где перегороженные воротами подъездные дорожки вели к безвкусным, напоминающим замки особнякам с четырнадцатью, а то и двадцатью комнатами. Ходжес вырос в Атланте и, оказавшись в Шугар-Хайтс, подумал о не менее богатом районе Атланты, именуемом Бакхед.

Престарелая мать миссис Ти, Элизабет Уэртон, жила в квартире – очень хорошей, с комнатами столь же большими, как обещания кандидата на выборную должность, в кондоминиуме высшего класса на Лейк-авеню. Места хватало и для женщины, которая постоянно находилась при старушке, и для сиделки, приходившей трижды в неделю. Миссис Уэртон страдала прогрессирующим сколиозом, и именно ее таблетки оксиконтин взяла дочь из домашней аптечки, когда решила уйти из этого мира.

Самоубийство доказывает вину. Он помнит эту присказку лейтенанта Моррисси, но Ходжес всегда сомневался на сей счет, а в последнее время сомнения его только усилились. Теперь он знает, что чувство вины – не единственная причина, которая может подвигнуть человека на самоубийство.

Иногда достаточно скуки, которую навевают дневные телепередачи.

14

Двое патрульных обнаружили «мерседес» через час после массового убийства. За одним из складов, которых хватало на берегу озера.

Огромный мощеный двор заполняли ржавые контейнеры, чем-то напоминавшие монолиты с острова Пасхи. Серый «мерседес» небрежно бросили между ними. Когда прибыли Ход-

жес и Хантли, во дворе уже стояло пять патрульных автомобилей, два – нос к носу у заднего бампера серого седана, словно ожидая, что он сам по себе заведется и попытается уехать, как тот «плимут» в старом фильме ужасов. Туман перешел в накрапывающий дождь. Синие вспышки на крышах патрульных автомобилей подсвечивали капли.

Ходжес и Хантли подошли к группке патрульных. Пит Хантли заговорил с теми двумя, что первыми обнаружили брошенный «мерседес», а Ходжес обошел автомобиль. Передняя часть «S600» лишь чуть помялась – знаменитое немецкое качество, – но капот и ветровое стекло пятнала свернувшаяся кровь. Рукав, затвердевший от крови, зацепился за радиаторную решетку. Потом выяснилось, что его оторвало от рубашки Огаста Оденкерка, одного из убитых. Ходжес заметил и кое-что еще, блестящее даже в сумрачном утреннем свете. Он опустился на колени, чтобы приглядеться. В таком положении его и застал Хантли.

– И что это такое, черт побери? – спросил Пит.

– Думаю, обручальное кольцо, – ответил Ходжес.

Он не ошибся. Простенькое золотое колечко принадлежало Франсине Райс, тридцати девяти лет, проживавшей на Сквиррел-ридж-роуд, и потом его вернули семье. Женщину похоронили, надев кольцо на безымянный палец правой руки, потому что три пальца левой, начиная от указательного, оторвало. Медицинский эксперт предположил, что она инстинктивно вытянула руку перед собой, словно пытаясь остановить надвигавшийся на нее «мерседес». Два пальца нашли на месте преступления перед самым полуднем десятого апреля. Указательный исчез. Ходжес подозревал, что одна из чаек, которых на берегу озера хватало, схватила его и унесла. Он предпочитал эту идею более мерзкой альтернативе: кто-то из выживших прихватил палец в качестве сувенира.

Ходжес встал и подозвал одного из патрульных.

– Надо накрыть автомобиль брезентом, прежде чем дождь окончательно смоет...

– Уже вызвали. – Патрульный указал на Питу. – Он нам сказал первым делом.

– Какой же ты молодец, – похвалил Питу Ходжес елейным голосом набожной прихожанки, но его напарник лишь кисло улыбнулся. Он смотрел на заляпанную кровью морду «мерседеса» и кольцо, застрявшее в хромированной решетке.

Подошел другой коп, с блокнотом в руке, открытая страница уже коробилась от влаги. На жетоне Ходжес прочитал его фамилию: «Ф. ШЕММИНГТОН».

– Автомобиль зарегистрирован на миссис Оливию Энн Трелони, дом семьсот тридцать девять по Лайлак-драйв. Это Шугар-Хайтс.

– Где большинство добропорядочных «мерседесов» укладывается спать после долгого рабочего дня, – кивнул Ходжес. – Выясните, дома ли она, патрульный Шеммингтон. Если нет, попытайтесь ее найти. Сможете?

– Да, сэр, конечно.

– Рутинный звонок, понимаете? В связи с угоном автомобиля.

– Будет исполнено.

Ходжес повернулся к Питу.

– Передняя часть салона. Что-нибудь заметил?

– Подушки безопасности не сработали. Он вывел их из строя. Значит, готовился.

– А еще значит – знал, как это сделать. Что ты думаешь о маске?

Пит всмотрелся сквозь капли дождя на окне водительской дверцы, не прикасаясь к стеклу. На кожаном водительском сиденье лежала резиновая маска из тех, что натягивают на голову. На висках, будто рога, торчали пучки клоунских рыжих волос. Нос заменял красный резиновый шарик. Без растягивающей маску головы красная улыбка выглядела презрительной ухмылкой.

– Просто мурашки бегут по коже. Видел когда-нибудь этот фильм о клоуне в канализации?

Ходжес покачал головой. Позже – за несколько недель до выхода на пенсию – он купил DVD с фильмом, и Пит оказался прав. Маска очень напоминала лицо Пеннивайза, клоуна из фильма.

Двоем они обошли автомобиль, заметив кровь на крышах и порогах. Большую ее часть могло смыть до прибытия брезента и экспертов; было только двадцать минут седьмого.

– Патрульные! – позвал Ходжес, а когда они подошли, спросил: – У кого мобильник с камерой?

Выяснилось, что у всех. Ходжес велел им окружить автомобиль – он уже думал о нем как о машине смерти, – и они начали делать снимки.

Патрульный Шеммингтон стоял чуть в стороне, разговаривая по мобильнику. Пит подзвал его.

– Вы знаете возраст этой Трелони?

Шеммингтон сверился с блокнотом.

– Дата рождения в ее водительском удостоверении – третье февраля пятьдесят седьмого года. То есть ей... э...

– Пятьдесят два, – вставил Ходжес. Они с Питом Хантли работали в паре уже двенадцать лет, так что многое могли и не озвучивать. По возрасту и полу Оливия Трелони годилась в жертвы Парковому насильнику, но никак не в массовые убийцы. Они знали о случаях, когда водители теряли контроль над автомобилем и случайно въезжали в группы людей. Только пятью годами раньше, в этом самом городе, мужчина – глубоко за восемьдесят, на границе старческого слабоумия – въехал на своем «бьюике-электре» в летнее кафе, убив одного человека и покалечив десяток, но Оливия Трелони никак не попадала в эту категорию. Слишком молода.

Плюс маска.

Но...

Но.

15

Счет прибывает на серебряном подносе. Ходжес кладет на него кредитную карточку и мелкими глотками пьет кофе, дожидаясь, когда ее вернут. Желудок приятно полон, а когда такое случается в середине дня, его обычно тянет прилечь на пару часов. Но не сегодня. Сегодня он бодр как никогда.

Но выглядело столь очевидным, что никому не пришлось произносить его вслух – ни друг для друга, ни для патрульных (подъезжали все новые, хотя этот чертов брезент появился только в четверть восьмого). Дверцы «S600» были заперты, замок зажигания пуст. Никаких признаков взлома детективы не заметили, и позже главный механик городского салона, который продавал «мерседесы», это подтвердил.

– Сильно придется кому-то потрудиться, чтобы открыть дверцу отмычкой? – спросил Ходжес механика. – Не имея ключа?

– Это практически невозможно, – ответил тот. – Эти «мерсы» делаются на совесть. Вскрыть замок, конечно, можно, но остались бы следы. – Он сдвинул фирменную кепку на затылок. – Все очень просто. Она оставила ключ в замке зажигания и проигнорировала предупреждающий сигнал, когда вылезала из автомобиля. Вероятно, думала о чем-то еще. Я хочу сказать, у него *был* ключ. Как иначе он мог запереть автомобиль, когда уходил?

– Вы говорите про *нее*, – заметил Пит. Они не упоминали имени владелицы.

– Да ладно вам. – Механик улыбнулся. – Это «мерседес» миссис Трелони. Оливии Трелони. Она приобрела его в нашем салоне, и мы каждые четыре месяца проводим техобслужи-

вание, как по часам. У нас лишь несколько «мерседесов» с двенадцатицилиндровыми двигателями, и я знаю их все. – И добавил, не погрешив против истины: – Эта крошка – танк.

Убийца завел «бенц» между контейнеров, выключил двигатель, снял маску, полил ее хлоркой и вылез из автомобиля. Перчатки и сетку для волос, наверное, сунул под пиджак. А напоследок – еще одна подлянка: перед тем как уйти в туман, запер автомобиль смарт-ключом Оливии Энн Трелони.

Отсюда и это *но*.

16

Она попросила их не шуметь, потому что ее мать спала, вспоминает Ходжес. Потом предложила кофе с булочками. Сидя в «Димасио», он пьет кофе маленькими глотками и ждет возвращения кредитной карточки. Думает о гостинице в той роскошной квартире в кондоминиуме, с потрясающим видом на озеро.

Одновременно с кофе и булочками они получили изумленный взгляд округлившись глаз: *разумеется, я этого не делала*. Такие взгляды – эксклюзивная собственность богатых горожан, у которых никогда не возникало проблем с полицией. Они просто не могут себе такого представить. Она даже озвучила эту мысль, когда Пит спросил, не могла ли она оставить ключ в замке зажигания, когда припарковала «мерседес» на Лейк-авеню неподалеку от дома, в котором жила ее мать.

– Конечно же, нет. – Слова сопровождались изгибом губ в легкой улыбке, говорившей: *Я нахожу вашу идею глупой, более того, чувствую себя оскорбленной*.

Наконец официант возвращается. Опускает на стол маленький серебряный поднос, и Ходжес сует мужчине десятку и пятерку, прежде чем тот успевает выпрямиться. В «Димасио» официанты делят чаевые поровну, и Ходжес к такой практике относится крайне неодобрительно. Да, он старомодный, но меняться не собирается.

– Благодарю вас, сэр, и buon pomeriggio¹⁸.

– И вам того же, – отвечает Ходжес. Убирает чек и «Амэкс», но сразу из-за стола не встает. На тарелке еще несколько крошек, оставшихся от торта, он собирает их вилкой и отправляет в рот, как в детстве – крошки материнских пирогов. Ему эти последние крошки, которые тают на языке, всегда казались самыми вкусными.

17

Решающий первый допрос через считанные часы после преступления. Кофе и булочки, пока продолжалось опознание искалеченных тел. Где-то рыдали родственники и рвали на себе одежду.

Миссис Трелони прошла в прихожую, где на столике лежала ее сумка. Принесла ее, порылась, нахмурилась, продолжая рыться, вроде бы встревожилась, потом улыбнулась:

– Вот он. – И она протянула им смарт-ключ.

Детективы какое-то время смотрели на него. Ходжес думал, каким ординарным выглядит ключ к столь дорогому автомобилю. Черная пластиковая палочка с набалдашником. С одной стороны набалдашника – логотип «Мерседеса», с другой – три большие кнопки. На одной – закрытый висячий замок. На второй – открытый. Третья – тревожная. На случай если грабитель нападет в тот самый момент, когда вы открываете замок. Нажатие кнопки – и автомобиль взвояет, призывая на помощь.

¹⁸ Доброго дня (*ит.*).

– Я понимаю, почему у вас возникли проблемы с поиском ключа. – Тон Пита был таким дружелюбным, что казалось, будто он просто поддерживает разговор. – Большинство людей цепляет к ключам брелоки. У моей жены это большая пластмассовая ромашка. – И он обаятельно улыбнулся, словно Морин оставалась его женой и есть свидетели, которые видели, как эта женщина в дорогой одежде доставала из сумки пластмассовую ромашку с прицепленными к ней ключами.

– Рада за нее, – ответила миссис Трелони. – Когда я смогу получить автомобиль?

– Это решать не нам, мэм, – ответил Ходжес.

Она вздохнула и поправила лиф платья с вырезом-«лодочкой». Потом они видели этот жест десятки раз, тогда – впервые.

– Мне, конечно, придется его продать. После случившегося никогда не смогу сесть за руль этого автомобиля. Это *так* прискорбно. Подумать только, мой... – Поскольку сумочка находилась под рукой, она вновь в ней порылась, достала несколько бумажных салфеток, промокнула глаза. – Это так прискорбно.

– Я бы хотел, чтобы вы еще раз нам все рассказали, – попросил Пит.

Она закатила покрасневшие глаза.

– Неужели это действительно необходимо? Я вымоталась. Почти всю ночь провела у постели матери. Она не могла уснуть до четырех утра. Ее мучают такие сильные боли. Мне бы хотелось немного прилечь до прихода миссис Грин. Это сиделка.

«На твоём автомобиле только что убили восемь человек, и это при условии, что остальные выживут, а тебе хочется прилечь», – подумал Ходжес. Позже он не мог точно сказать, когда начал недолюбливать миссис Трелони, но, возможно, именно в тот момент. Когда люди грустят, одних хочется обнять, похлопать по спине, сказать: «Все хорошо, хорошо». Других – стукнуть посильнее и крикнуть: «Будь мужчиной!» Или в случае с миссис Ти: «Будь женщиной!»

– Мы постараемся закончить побыстрее, – пообещал Пит. Он не сказал ей, что это будет только первый допрос из многих. И к тому времени, когда они с ней закончат, история эта не отпустит ее и во сне.

– Что ж, тогда хорошо. Я приехала к маме в четверг вечером, в самом начале восьмого...

По ее словам, она приезжала не реже четырех раз в неделю, а в четверг всегда оставалась на ночь. По пути заезжала в «Бхай», очень милый вегетарианский ресторан, расположенный в торговом центре «Берч-хилл», брала обед, а потом разогревала в духовке. («Хотя мама, конечно, теперь ест мало. Из-за болей».) Она сказала детективам, что всегда подгадывала, чтобы прибыть в начале восьмого. В семь открывались ночные парковки, и большинство мест у тротуаров освобождалось.

– Я никогда не паркуюсь параллельно. Просто не умею.

– А почему вы не воспользовались гаражом чуть дальше по улице? – спросил Ходжес.

Миссис Трелони посмотрела на него как на безумца.

– Парковка на ночь стоит там шестнадцать долларов. У тротуара – *бесплатно*.

Пит по-прежнему держал ключ, хотя еще не сказал миссис Трелони, что они забирают его с собой.

– Вы заехали в «Берч-хилл», заказали обед для себя и матери в... – Он сверился с блокнотом. – В «Бхай».

– Нет, я заказала заранее. Из дома на Лайлак-драйв. Они всегда рады моим звонкам. Я их давний и важный клиент. Прошлым вечером я взяла куку сабзи для мамы, это омлет со шпинатом и кинзой... и гейме для себя. Гейме – это тушеное блюдо из гороха, картофеля и грибов. Никакой нагрузки на желудок. – Она поправила вырез. – У меня с подросткового возраста ужасный кислотный рефлюкс. Пришлось учиться с этим жить.

– Я полагаю, ваш заказ... – начал Ходжес.

– И шоле задр на десерт, – добавила она. – Это рисовый пудинг с корицей. И шафраном. – Она одарила их своей фирменной тревожной улыбкой. С этим «трелонизмом» они познакомились так же хорошо, как и с одергиванием платья. – Именно благодаря шафрану пудинг приобретает особый вкус. Даже мама всегда ест шоле задр.

– Судя по вашему рассказу, все очень вкусно, – кивнул Ходжес. – И заказ к вашему приезду приготовили и уже разложили по коробкам?

– Да.

– То есть в одну коробку не уместилось?

– Нет, в три.

– Их поставили в пакет?

– Нет, я взяла только коробки.

– Наверное, вам пришлось попотеть, вытаскивая все из автомобиля, – предположил Пит. – Три коробки с ужином, сумка...

– И ключ, – вставил Ходжес. – Не забывай про ключ, Пит.

– Опять же вам хотелось как можно быстрее доставить эту вкуснятину домой. Холодная еда – удовольствие маленькое.

– Я вижу, к чему вы клоните, – ответила миссис Трелони, – и заверяю вас... – короткая пауза, – ...*господа*, что вы взяли ложный след. Я положила ключ в сумку, как только выключила двигатель, я всегда делаю это прежде всего. Что касается коробок, их поставили одну на другую и перевязали. Получилась вот такая башня... – она развела руки дюймов на восемнадцать, – управиться с которой не составляло труда. Сумку я повесила на руку. Смотрите. – Она согнула руку в локте, повесила на получившийся крюк сумку и прошла по большой гостиной, держа в руке воображаемую башню коробок из «Бхая». – Видите?

– Да, мэм, – ответил Ходжес, увидев и кое-что еще.

– Что касается спешки... Отнюдь. Я никуда не спешила, потому что обед все равно потом разогреваю. – Она помолчала. – Только не шоле задр, разумеется. Ни к чему разогревать рисовый пудинг. – С ее губ слетел легкий смешок. Тихий, но все-таки смешок. С учетом того, что ее муж умер, это такое вдовье хихиканье. К неприязни Ходжеса добавился новый слой – тоненький, почти невидимый, но осязаемый. Вполне осязаемый.

– Позвольте мне еще раз коснуться ваших действий до прибытия сюда, на Лейк-авеню, – продолжил Ходжес. – Куда вы приехали чуть позже семи.

– Да. В пять минут восьмого, максимум в семь-восемь.

– Так-так. И припарковались... где? В трех или четырех домах дальше по улице?

– В четырех, не дальше. Мне требовалось свободное пространство на два автомобиля. Только в этом случае я могу припарковаться без заднего хода. Терпеть не могу ездить задом. Всегда поворачиваю руль не в ту сторону.

– Да, мэм, у моей жены та же проблема. Вы заглушили двигатель, вынули ключ из замка зажигания, положили в сумку. Повесили сумку на руку и взяли коробки с едой...

– Башню из коробок. Связанных крепким шпагатом.

– Башню, совершенно верно. Что потом?

Она посмотрела на него так, словно среди всех идиотов, живших в этом преимущественно идиотском мире, ему не было равных.

– Потом пошла к дому моей матери. Миссис Харрис – она постоянно с мамой, вы знаете – открыла мне дверь. По четвергам она уходит, как только я прихожу. На лифте я поднялась на девятнадцатый этаж, где вы задаете все эти вопросы, вместо того чтобы сказать, когда мне вернут мой автомобиль. *Украденный* у меня автомобиль.

Ходжес мысленно отметил, что надо спросить миссис Харрис, видела ли она «мерседес», когда уходила.

– В какой момент вы снова достали ключ из сумки, миссис Трелони? – Этот вопрос задал Пит.

– Снова? Зачем мне...

Пит поднял ключ – «вещественную улику А».

– Чтобы запереть автомобиль перед тем, как войти в дом. Вы его *заперли*, правда?

В ее глазах мелькнула неуверенность. Детективы это заметили.

– Разумеется, заперла.

Ходжес поймал ее взгляд. Он тут же ушел в сторону, к виду на озеро из большого панорамного окна, но Ходжес поймал его вновь.

– Подумайте хорошенько, миссис Трелони. Это важно, потому что погибли люди. Вы помните, как держали коробки с едой в одной руке, второй доставая из сумки ключ и нажимая кнопку «ЗАПЕРЕТЬ»? Вы видели, как в подтверждение мигнули задние фонари? Они мигают, вы знаете.

– Разумеется, знаю. – Она прикусила нижнюю губу, но, осознав это, тут же отпустила.

– Вы точно помните, как мигнули фонари?

На мгновение ее лицо превратилось в маску, начисто лишенную эмоций. А потом торжествующая улыбка вспыхнула во всем своем раздражающем великолепии.

– Подождите. Теперь я вспомнила. Я положила ключ в сумку *после* того, как взяла коробки и вылезла из автомобиля. И после того, как нажала кнопку, запирающую замок.

– Вы уверены. – Вопросительных ноток в голосе Пита не слышалось.

– Да. – Уверенность появилась и сразу стала непоколебимой. Оба детектива это знали. Точно так же добропорядочный гражданин, сбивший человека и скрывшийся с места преступления, настаивал, когда его наконец разыскали, что, *разумеется*, раздавил собаку. Потому и уехал.

Пит захлопнул блокнот и встал. Ходжес последовал его примеру. На лице миссис Трелони читалось безмерное облегчение, вызванное представившейся возможностью проводить их к двери.

– Еще один вопрос. – Ходжес повернулся к миссис Трелони уже в прихожей.

Она приподняла аккуратно выщипанные брови.

– Да?

– Где ваш запасной ключ? Мы должны забрать и его.

На этот раз не было ни бесстрастной маски, ни блуждающего взгляда, ни неуверенности в голосе.

– У меня нет запасного ключа, детектив, и он мне ни к чему. Я очень внимательно отношусь к своим вещам. Серая леди – так я называю эту машину – у меня пять лет, и единственный ключ, которым я пользовалась, сейчас лежит в кармане у вашего напарника.

18

Со столика, за которым они с Питом ели, уже убрали посуду – остался только недопитый стакан с водой, – но Ходжес сидит на прежнем месте, смотрит через окно на автомобильную стоянку и эстакаду – неофициальную границу Лоутауна, куда никогда не суют нос обитатели Шугар-Хайтс, такие, как усопшая Оливия Трелони. И что им там делать? Покупать наркотики? Ходжес уверен: наркоманы в Шугар-Хайтс есть, их там хватает, но таким клиентам товар привозят на дом.

Миссис Ти лгала. *Не могла* не лгать. Или ложь, или признание факта, что мимолетная забывчивость привела к столь ужасным последствиям.

Но допустим – чисто теоретически, – что она говорила правду.

Ладно, допустили. Если мы ошибались в том, что она оставила «мерседес» незапертым, с ключом в замке зажигания, как сильно повлияла бы эта ошибка на ход расследования? И что произошло *на самом деле*?

Он сидит, смотрит в окно и за воспоминаниями не замечает, что некоторые официанты начинают как-то странно поглядывать на него: располневший пенсионер застыл на стуле, словно робот с разряженными аккумуляторами.

19

Эвакуатор доставил по-прежнему запертую *машину смерти* на полицейскую стоянку. Ходжес и Хантли получили эту информацию, когда вернулись к собственному автомобилю. Главный механик салона «Росс-Мерседес» только прибыл и сообщил, что дверцы он откроет. Но потребуется время.

– Скажите ему, пусть не парится, – отозвался Ходжес. – Ключ у нас.

После паузы лейтенант Моррисси спросил:

– У вас? Вы же не утверждаете, что она...

– Нет, нет, ничего такого. Механик рядом, лейтенант?

– Он на стоянке, осматривает повреждения. Насколько я слышал, чуть не плачет.

– Возможно, он захочет сберечь слезы для погибших, – буркнул Пит. Он сидел за рулем. «Дворники» ходили туда-сюда. Дождь усиливался. – Надеюсь на это.

– Попросите его связаться с салоном и кое-что выяснить, – продолжил Ходжес. – А потом пусть позвонит мне на мобильник.

Автомобили в центре еле ползли, отчасти из-за дождя, отчасти из-за перекрытия Мальборо-стрит около Городского центра. Они проехали только четыре квартала, когда зазвонил мобильник Ходжеса. Говард Макгроури, механик.

– Вы связались с кем-нибудь в салоне, чтобы удовлетворить мое любопытство? – спросил Ходжес.

– Нет необходимости, – ответил Макгроури. – Я работаю в «Россе» с восемьдесят седьмого года. За это время салон продал не меньше тысячи «мерсов», и я могу гарантировать, что каждый комплектовался двумя ключами.

– Спасибо, – поблагодарил его Ходжес. – Мы скоро подъедем. У нас есть еще вопросы.

– Я вас дождусь. Это ужасно. *Ужасно*.

Ходжес дал отбой и пересказал Питу разговор.

– Ты удивлен? – спросил Пит. Впереди оранжевый указатель сообщал: «ОБЪЕЗД», – направляя транспортный поток подальше от Городского центра. Они могли бы проехать прямо, включив мигалку, но ни один такого желания не испытывал. Им требовалось время, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

– Нет, – ответил Ходжес. – Это стандартная процедура. Как говорят англичане, наследник и про запас. Они дают тебе два ключа, когда ты покупаешь автомобиль...

– ...и говорят, – подхватил Пит, – что второй надо положить в безопасное место, на случай утери первого. Некоторые люди, если запасной требуется им через год или два, забывают, куда они его положили. Женщины, у которых объемистые сумки, вроде чемодана миссис Трелони, обычно таскают с собой оба ключа, чтобы подстраховаться. Если она сказала правду насчет того, что не цепляла ключ к брелочку, тогда, возможно, она пользовалась ключами попеременно.

– Да, – кивнул Ходжес. – Она приезжает к матери, занята мыслями о том, что впереди бессонная ночь, потому что маму мучают боли, в руках сумка и коробки...

– И она оставляет ключ в замке зажигания. Не хочет в этом признаваться ни нам, ни себе, но именно это она и сделала.

– Но предупреждающий сигнал... – В голосе Ходжеса слышалось сомнение.

– Может, большой, шумный грузовик проезжал мимо, когда она вылезала из машины, и сигнала она не расслышала. Или патрульный автомобиль с включенной сиреной. А может, она так глубоко ушла в собственные мысли, что не обратила внимания на сигнал.

Здравого смысла в этом предположении прибавилось, когда Макгроури заверил их, что дверные замки «машины смерти» не взламывали, чтобы получить доступ в салон, и двигатель заводили ключом, а не напрямую, соединив провода. Что волновало Ходжеса – собственно, единственное, что его волновало, – так это то, насколько ему *хотелось* уцепиться за этот здравый смысл. Ни одному из детективов не приглянулась миссис Трелони, с ее вырезом-«лодочкой», идеально выщипанными бровями и вдовьим хихиканьем. Миссис Трелони не спросила об убитых и раненых, не поинтересовалась ни единой подробностью. Преступницей она не была – ни в коем случае, – но хотелось возложить на нее часть вины. Предоставить ей возможность подумать о чем-то еще, помимо вегетарианских обедов из «Бхай».

– Не усложняй, – посоветовал его напарник. Пробка рассосалась, и он нажал на педаль газа. – Ей дали два ключа. Она заявляет, что у нее один. И теперь это правда. Ублюдок, который убил этих людей, вероятно, выбросил тот, что остался в замке зажигания, в первую канализационную решетку, которая встретилась по пути. Нам она показала запасной.

Конечно же, это и был искомый ответ. Когда слышишь топот копыт, думаешь не о зебрах.

20

Кто-то легонько трясет его за плечо, как трясут крепко спящего человека. И Ходжес осознает, что он практически заснул. Или воспоминания вогнали его в транс.

Это Элейн, менеджер зала «Димасио», и в ее глазах озабоченность.

– Детектив Ходжес? Вы в порядке?

– Все прекрасно. Но теперь – просто мистер Ходжес, Элейн. Я на пенсии.

Он подмечает в ее глазах не только озабоченность, но и кое-что еще. Кое-что похуже. Из посетителей в ресторане только он. Официанты толпятся у двери на кухню, и внезапно Ходжес видит себя со стороны, каким, должно быть, видят его они с Элейн. Старик, сидящий за столиком, хотя человек, который составлял ему компанию, давно ушел, как и другие посетители ресторана. Разжиревший старик, который вилкой подбирал с тарелки последние крошки торта и сосал их, как ребенок – леденец, а потом просто смотрел в окно.

«Они гадают, еду ли я в королевство Деменция на экспрессе “Альцгеймер”», – думает он.

Он улыбается Элейн своей лучшей улыбкой, широкой и обаятельной.

– Мы с Питом обсуждали наши прежние расследования. Я задумался об одном. Прокручивал в голове некоторые моменты. Извините. Уже ухожу.

Он встает, но пошатывается, толкает стол, недопитый стакан с водой падает. Элейн хватается за плечо, чтобы поддержать, озабоченности в ее глазах и на лице прибавляется.

– Детектив... мистер Ходжес, вы сможете сесть за руль?

– Конечно, – отвечает он слишком уверенно. Покальвания поднимаются по ногам от лодыжек к промежности, потом спускаются обратно. – Всего два стакана пива. Пит выпил остальное. Ноги затекли, ничего больше.

– А-а. Вам уже лучше?

– Все хорошо, – отвечает он, и ногам действительно лучше. Слава Богу! Где-то он, помнится, читал, что старикам, особенно грузным старикам, не следует сидеть слишком долго. Под коленями в сосудах может образоваться тромб. Ты встаешь, тромб отрывается, продвигается к сердцу, и вот она, встреча с ангелом.

Элейн провожает его к двери. Ходжес думает о сиделке, которая ухаживала за матерью миссис Ти. Как ее фамилия? Харрис? Нет, Харрис – это женщина, которая постоянно жила

в квартире. А сиделка – Грин. Когда миссис Уэртон хотела пройти в гостиную или в туалет, миссис Грин сопровождала ее так же, как сейчас Элейн сопровождает его.

– Элейн, я в порядке, – говорит он. – Голова трезвая. Тело слушается. – Он поднимает руки, чтобы подтвердить свои слова.

– Отлично, – улыбается она. – И приходите к нам снова... поскорее.

– Обещаю.

Выходя в яркий солнечный свет, Ходжес смотрит на часы. Начало третьего. Он пропустил дневные передачи, но нисколько об этом не жалеет. Дама-судья и нацист-психолог могут удовлетворить себя сами. Или друг друга.

21

Он медленно идет по автомобильной стоянке, на которой, кроме его «тойоты», остались скорее всего только машины сотрудников. Достает из кармана ключи и подбрасывает их на ладони. В отличие от ключа миссис Ти ключ от «тойоты» на кольце. И да, имеется брелок, пластиковый прямоугольник с закатанной в него фотографией дочери. Улыбающаяся семнадцатилетняя Элли в форме команды по лакроссу Городской средней школы.

Что касается ключа от «мерседеса», миссис Трелони твердо стояла на своем. При последующих допросах она продолжала настаивать, что у нее всегда был один ключ. Даже после того, как Пит показал ей накладную, в которой указывалось, что в 2004 году в комплекте с «мерседесом» среди прочего она получила «2 (два) ключа», она не отступилась. Заявила, что в накладной ошибка. Ходжес помнит железную уверенность, которая звучала в ее голосе.

Пит сказал бы, что в итоге она все-таки сдалась. Причем никакой бумажки не потребовалось. Самоубийство по своей природе – признание вины. Стена отрицания рухнула. Как и в случае с тем парнем, который сбил человека и скрылся с места преступления, но потом сознался. *Да, это был ребенок, не собака. Это был ребенок, а я посмотрел на дисплей мобильного, чтобы понять, чей звонок пропустил, и убил его.*

Ходжес помнит, как каждый последующий допрос миссис Ти странным образом усиливал эффект. Чем дольше она упорствовала, тем сильнее они ее недолюбливали. И чем сильнее они ее недолюбливали, тем решительнее она настаивала на своем. Потому что знала, что они чувствовали. О да! Она была эгоцентричной, но не глу...

Ходжес останавливается, одна рука на согретой солнцем дверной ручке «тойоты», вторая прикрывает глаза от солнца. Он смотрит в тень под эстакадой. Полдень давно миновал, и обитатели Лоугауна начали подниматься из гробниц. В тени четверо. Трое больших засранцев и один маленький. Большие, похоже, шпыняют мелкого. У мелкого на спине рюкзак, и на глазах Ходжеса один из больших срывает его со спины мальчишки. Следует взрыв троллевого смеха.

Ходжес неспешно идет по крошащемуся тротуару к эстакаде. Он спокоен, и торопиться ему незачем. Руки в карманах пиджака. С эстакады доносится мерный гул легковушек и грузовиков, их тени падают на улицу вниз. Он слышит, как один из троллей спрашивает мелкого, сколько у того денег.

– Нету их у меня, – отвечает мелкий. – Отвалите.

– Выверни карманы, и мы поглядим, – говорит Второй тролль.

Мальчишка пытается убежать. Третий тролль хватает его сзади, руки железным кольцом стягивают шуплую грудь. Первый тролль ощупывает карманы пленника.

– Хо-хо, я слышу, как хрустят денежки, – говорит он, и лицо мальчишки кривится от усилий не расплакаться.

– Мой брат узнает, кто вы, и надерет вам зад, – говорит мальчишка.

– Потрясающая идея, – отвечает Первый тролль. – Вызывает желание насрать тебе...

Тут он замечает Ходжеса, который – с животом наперевес – входит в тень, чтобы присоединиться к ним. Его руки по-прежнему в карманах старого клетчатого пиджака с заплатами на локтях, с которым он никак не может заставить себя расстаться, хотя прекрасно понимает, что ходить в нем просто неприлично.

– Чё надо? – спрашивает Третий тролль, который держит мальчишку со спины.

Ходжес уже собирается имитировать выговор Джона Уэйна, но понимает, что это лишнее. Эти подонки могут знать только одного Уэйна – Лила.

– Я хочу, чтобы вы оставили этого маленького человека в покое, – говорит он. – Валите отсюда. Быстро.

Первый тролль отпускает карманы мальчишки. Он в куртке с капюшоном и бейсболке «Янкис». Упирает руки в узкие бедра, склоняет голову набок: похоже, ситуация забавляет его.

– Сам вали, жироба.

Ходжес времени не теряет. Все-таки их трое. Достает из правого кармана пиджака Веселый ударник. Приятно ощущать в руке его тяжесть. Веселый ударник – это носок с рисунком из разноцветных ромбиков. Мысок заполнен стальными шариками. Чтобы они не высыпались, на лодыжке носок завязан узлом. Замах – Ударник врезается Первому троллю в шею и обвивает ее. Ходжес наносит точный удар, следит за тем, чтобы носок прошел мимо адамова яблока. Если попасть по нему, смерть практически неминуема, а это грозит объяснениями с бюрократией.

Слышится металлический звон. Первый тролль отшатывается, на лице изумление, которое тут же сменяется гримасой боли. Еще шаг в сторону – с тротуара на мостовую, – и он падает на асфальт. Перекатывается на спину, жадно ловит ртом воздух, хватается руками за шею, выпученные глаза таращатся на подбрюшье эстакады.

Третий тролль выступает вперед.

– Гребаный... – начинает он, но тут Ходжес поднимает ногу (слава Богу, сейчас нигде ничего не колет) и бьет в промежность. Слышит, как рвутся по шву его брюки, и думает: *Ну ты, твою мать, и толстый*. Третий тролль издает вопль боли. Под эстакадой, со всеми этими грузовиками и легковушками, которые проносятся над головой, вопль этот почти не слышен. Сам тролль сгибается пополам.

Левая рука Ходжеса все еще в кармане пиджака. Не вытаскивая ее, он, оттопыривая ткань, нацеливает указательный палец на Второго тролля.

– Эй, придурок, нет нужды ждать брата маленького человека. Я тебе сам зад надеру. Меня бесит, когда трое на одного.

– Нет, чувак, нет! – Второй тролль высокий, хорошо сложенный, ему лет пятнадцать, но от ужаса он молодеет еще года на три. – Пожалуйста, чувак, мы просто играли.

– Тогда беги, игрун, – приказывает Ходжес. – Кыш!

Второй тролль бежит.

Первый тем временем поднялся на колени.

– Ты об этом пожалеешь, толс...

Ходжес делает к нему шаг, поднимает Ударник. Первый тролль это видит, издает девичий вскрик, прикрывает шею.

– И ты лучше беги, пока толстяк не врезал тебе по физиономии. Потому что после этого твоя мать, которую вызовут в отделение экстренной помощи, пройдет мимо тебя. – В этот момент, когда адреналин и давление зашкаливают, он совершенно серьезен.

Первый тролль встает. Ходжес притворно замахивается, и тот в испуге отпрыгивает. Пенсионер результатом доволен.

– Забери с собой своего друга и приложи лед к его яйцам, – говорит Ходжес. – Они уже распухают.

Первый тролль обнимает Третьего за талию, и они плетутся к краю эстакады, за которым начинается Лоутаун. Когда Первый тролль понимает, что они уже в безопасности, он поворачивается и грозит:

– Мы еще встретимся, толстяк!

– Моли Бога, чтобы этого не случилось, недоумок, – отвечает Ходжес.

Он поднимает рюкзак и протягивает мальчишке, который смотрит на него широко раскрытыми, недоверчивыми глазами. Ему, наверное, лет десять. Ходжес убирает Ударник в карман.

– Почему ты не в школе, маленький человек?

– Мама болеет. Я собирался купить ей лекарство.

Ложь настолько неприкрытая, что Ходжес не может не улыбнуться.

– Нет, не собирался. Ты удрал с уроков.

Мальчишка молчит. Он во власти незнакомца, никто больше не вмешается, как вмешался этот старик. Никто больше и не носит в кармане носок с завязанным в нем чем-то тяжелым. Так что лучше сыграть дурачка.

– Тебе надо бы найти более безопасное место, раз школа не подошла, – продолжает Ходжес. – На Восьмой авеню есть детская площадка. Почему не пойти туда?

– На той площадке продают крэк, – отвечает мальчишка.

– Знаю, – почти ласковым голосом отвечает Ходжес, кивая, – но тебе не обязательно его покупать. – Он мог бы добавить: «Тебе не обязательно его и толкать», – но это прозвучало бы слишком наивно. В Лоутауне большинство подростков продает наркоту. Можно арестовать десятилетнего за владение, да только это себе дороже.

Ходжес направляется к автостоянке и безопасному краю автострады. Когда оборачивается, мальчишка стоит на прежнем месте и смотрит на него. Рюкзак он держит в руке.

– Маленький человек, – говорит Ходжес.

Мальчишка молча смотрит.

Ходжес поднимает руку, нацеливает на него палец.

– Сейчас я сделал тебе доброе дело. И хочу, чтобы ты передал эстафету кому-то еще, прежде чем зайдет солнце.

На лице мальчишки читается абсолютное непонимание, словно Ходжес внезапно заговорил на иностранном языке, но это нормально. Иногда до людей все же доходит, особенно до молодых.

Такое случается, думает Ходжес. Да, такое случается.

22

Брейди Хартсфилд переодевается в другую униформу – белую, проверяет фургон, быстро просматривает инвентарный список, как требует мистер Леб. Все на месте. Он заглядывает в офис, чтобы поздороваться с Ширли Ортон. Ширли – жирная свинья и очень любит продукт, который производит компания, но он хочет, чтобы она относилась к нему хорошо. Брейди хочет, чтобы *все* относилось к нему хорошо. Так гораздо безопаснее. Она в него втюрилась, и это ему только на руку.

– Ширли, моя красотуля! – кричит он, и она краснеет до корней волос над прыщавым лбом. Маленькая свинка, хрю-хрю-хрю, подумал он. Ты такая жирная, что твоя манда, вероятно, выворачивается наружу, когда ты садишься.

– Привет, Брейди. Опять Уэст-Сайд?

– Всю неделю, дорогая. Ты в порядке?

– Все отлично. – Она краснеет еще сильнее.

– Хорошо. Забежал, чтобы поздороваться.

Потом он уезжает, нигде не превышая разрешенную скорость: ревностно следит за этим, пусть у него и уходит сорок гребанных минут, чтобы добраться до Уэст-Сайда. Но так надо. Если тебя остановят за превышение скорости на автомобиле компании после того, как в школе закончились занятия, – это увольнение. Никакие оправдания не помогут. Наконец он прибывает, и это приятно, потому что он в том самом районе, где живет Ходжес, и имеет на это все основания. Прятаться лучше у всех на виду, гласит давняя пословица, и, по мнению Брейди, эта пословица мудра, будьте уверены.

Он сворачивает со Спрус-стрит и медленно едет по Харпер-роуд, мимо дома старого детпена. Нет, вы только посмотрите: этот ниггер-юнец, раздетый по пояс (чтобы все неработающие мамочки смогли полюбоваться его блестящими от пота мышцами), на лужайке толкает перед собой «Лаун-боя».

Давно пора, полагает Брейди. Лужайка сильно заросла. Хотя едва ли старый детпен обращает на это внимание. Старый детпен слишком занят: смотрит телик, лопает «Поп-тартс», играет с револьвером, который держит на столе рядом с креслом.

Несмотря на рев газонокосилки, ниггер-юнец слышит приближение фургона и поворачивается, чтобы посмотреть на него. «Я знаю, как тебя зовут, ниггер-юнец, – думает Брейди. – Джером Робинсон. Я знаю практически все о детпене. Не могу утверждать, что вы трахаете друг друга, но меня это не удивит. Может, поэтому он держит тебя при себе».

Сидя за рулем фургона «Мистер Вкусняшка» – борта оклеены картинками, изображающими счастливых детей, а сам фургон звенит записанным звоном колокольчиков, – Брейди машет рукой. Ниггер-юнец отвечает тем же и улыбается. Конечно, улыбается.

Все любят мороженщика.

Под синим зонтом Дебби

1

Брейди Хартсфилд курсирует по лабиринту улиц Уэст-Сайда до половины восьмого, когда сумерки начинают смывать синеву с весеннего неба. Первая волна покупателей, с трех до шести часов, состоит из школьников, у которых закончились занятия. С ранцами или рюкзаками за спиной, они размахивают долларовыми купюрами. Большинство на него и не смотрит. Слишком заняты болтовней с друзьями и подругами или разговаривают по мобильнику, который считают не аксессуаром, а жизненной необходимостью вроде еды и воздуха. Некоторые говорят «спасибо», но большинство не заморачивается. Брейди не возражает. Не хочет, чтобы на него смотрели и тем более запоминали. Для этих паршивцев он всего лишь одетый в белую униформу продавец сладкого, и его такое положение вполне устраивает.

С шести до семи – мертвый час, потому что маленькие спиногрызы дома, обедают. Кто-то, возможно, те, что благодарят, даже разговаривает с родителями. Большинство продолжает нажимать кнопки мобильных, пока родители обсуждают работу или смотрят вечерние новости, чтобы узнать, а что происходит в большом мире, где переворот в одном месте сменяется землетрясением в другом.

В последние полчаса продажи вновь набирают обороты. На этот раз к позвякивающему фургону «Мистер Вкусняшка» подходят не только дети, но и родители. Они покупают мороженое, чтобы съесть его, устроившись задницей (по большей части толстой) на пластмассовом стуле, какие есть в каждом дворике за домом. Брейди их чуть ли не жалеет. Ничего не знают, ничего не видят, глупые, как муравьи, ползающие вокруг своего муравейника. Массовый убийца продает им мороженое, а они и не в курсе.

Время от времени Брейди задается вопросом, а так ли сложно отравить их всей этой вкуснятиной: ванильным мороженым, шоколадным, «Ягодным ароматом», «Вкусом дня», «Морозной свежестью», «Кофейной радостью», «Ледяной палочкой» и «Снежной нежностью». Он пошел еще дальше: изучил этот вопрос в Интернете. Провел, как сказал бы Энтони Фробишер по прозвищу Тоунс, «прогнозное исследование» и пришел к выводу, что это вполне возможно, но глупо. Риск Брейди не пугает, он вышел сухим из воды после «мерседес»-бойни, когда вероятность попасться превышала вероятность уйти от ответственности. Но сейчас попасться не хочет. Потому что есть у него одна работенка. На конец весны и начало лета работенка эта – жирный экс-коп, К. Уильям Ходжес.

Вполне возможно, он отправится в круиз по Уэст-Сайду с грузом отравленного мороженого после того, как экс-копу надоест играть с револьвером, который он держит под рукой в гостинной, и он использует оружие по назначению. Но не раньше. Этот жирный экс-коп достал Брейди Хартсфилда. Достал не по-детски. Ходжес вышел на пенсию со всеми полагающимися почестями, они даже устроили *прощальную вечеринку*, и разве это справедливо, если ему не удалось поймать самого знаменитого преступника в истории города?

2

Совершая последний на сегодня круг по Уэст-Сайду, он проезжает мимо дома на Тиберри-лейн, в котором Джером Робинсон – парень, работающий у Ходжеса, – живет с матерью, отцом и младшей сестрой. Джером Робинсон тоже достал Брейди. Робинсон симпатич-

ный, работает у экс-копа, по выходным встречается с разными девушками. Все девушки – красотки. Некоторые даже белые. Это неправильно. Противоречит природе.

– Эй! – кричит Робинсон. – Мистер Мороженое! Подождите!

Он бежит через лужайку со своей собакой, большим ирландским сеттером, который не отстает ни на шаг. За ним увязывается и младшая сестра, ей лет девять.

– Купи мне шоколадное, Джерри! – кричит она. – *Пожса-а-алуйста!*

У него даже имя белого парня. Джером. Джерри. Это оскорбительно. Почему он не может быть Треймором? Или Девоном? Или Лероом? Почему не может быть гребаным Кунтой Кинте¹⁹?

Джером в мокалинах на босу ногу, лодыжки все еще зеленые от травы с лужайки жирного экс-копа. На его безусловно симпатичном лице сияет широкая улыбка, и когда он так улыбается девицам, с которыми встречается по выходным, они – Брейди готов на это поспорить – сами стаскивают с себя трусы и протягивают руки. Давай, *Джерри*.

– Как дела, чувак? – спрашивает Джером.

Брейди, который уже не за рулем, а в раздаточном окошке, улыбается:

– Хорошо. Рабочий день подходит к концу, а это всегда радует.

– Шоколадное еще осталось? Русалочка хочет шоколадного.

Брейди вскидывает руки с оттопыренными большими пальцами, продолжая улыбаться. Точно так же он улыбался под клоунской маской, когда, вжав в пол педаль газа, врезался в толпу жаждущих работы у Городского центра.

– Вас понял, мой друг.

Подбегает младшая сестра, глаза сверкают, косички подпрыгивают.

– Не зови меня Русалочкой, Джерри. Я этого терпеть не могу.

Ей девять или около того, и имя у нее нелепо белое: Барбара. Брейди находит идею назвать черного ребенка Барбарой не просто оскорбительной, а сюрреалистической. Во всей семье ниггерское имя только у собаки, которая сейчас стоит на задних лапах, упиравшись передними в борт фургона, и виляет хвостом.

– Сидеть, Одилл! – приказывает Джером, и собака садится, весело пыхтя.

– А ты? – спрашивает Брейди Джерома. – Что-нибудь будешь?

– Ванильное мягкое, пожалуйста.

«Видать, хочешь быть белым, как ваниль», – думает Брейди и выполняет их заказы.

Ему нравится приглядывать за Джеромом, нравится больше узнавать о Джероме, потому что в эти дни Джером, похоже, единственный, кто хоть иногда общается с детпенем, и за последние два месяца Брейди видел их достаточно часто, чтобы полагать, что Ходжес воспринимает парня скорее как друга, а не работника, выполняющего разовые поручения. У самого Брейди друзей никогда не было, друзья – это опасно, но он знает, кто они: подпорки для эго. Эмоциональные страховочные сети. Когда тебе плохо, куда ты бежишь? К друзьям, разумеется, и твои друзья говорят тебе: *Не вешай нос*, или: *Взбодрись*, или: *Мы с тобой*, или: *Пойдем выпьем*. Джерому только семнадцать, и он не может пойти с Ходжесом выпить (разве что колу), но может сказать: *Взбодрись* или *Я с тобой*. Так что приглядывать за ним смысл есть.

У миссис Трелони подруг не было. Как и мужа. Только старая больная мамаша. Поэтому она и стала легкой добычей, особенно после того, как за нее взялись копы. Чего там, они сделали за Брейди половину работы. Остальное он сделал сам, прямо под носом этой суетливой сухопарой суки.

– Держи. – Брейди протягивает Джерому две порции мороженого, жалея, что они не сдобрены мышьяком. А может, варфарином. Если скормить им варфарин, кровь потечет из

¹⁹ Кунта Кинте (1750–1822) – американский раб, родившийся в Гамбии, герой романа американского писателя Алекса Хейли и снятого по нему телесериала «Корни».

глаз, ушей, рта. Не говоря уже про дырки в жопе. Брейди представляет себе, как все детки Уэст-Сайда бросают рюкзаки или ранцы и свои драгоценные мобильники, а кровь хлещет у них из каждого отверстия. Роскошный получился бы фильм-катастрофа!

Джером дает ему десятку, и Брейди прибавляет к сдаче собачье печенье.

– Для Одилла, – говорит он.

– Спасибо, мистер, – благодарит его Барбара, облизывая шоколадный шар в вафельном рожке. – Так вкусно!

– Наслаждайся, милая, – отвечает Брейди.

Он водит фургон «Мистер Вкусняшка» и часто садится за руль одного из киберпатрульных «фольксвагенов», но настоящая его работа этим летом – детектив К. Уильям Ходжес (пен.). Он должен добиться, чтобы детектив Ходжес (пен.) использовал свой револьвер.

Брейди направляется в обратный путь, на «Фабрику мороженого Леба», чтобы сдать фургон и сменить униформу на уличную одежду. Нигде не превышает разрешенной скорости.

Тише едешь – дальше будешь.

3

Покинув «Димасио» – после непредвиденной пешей прогулки, чтобы разобраться с тремя громилами, которые приставали к маленькому пацану под эстакадой, – Ходжес просто едет, ведет «тойоту» по городским улицам, не собираясь попасть в какое-либо конкретное место. Или так думает, пока не осознает, что находится на Лайлак-драйв в роскошном прибрежном районе Шугар-Хайтс. Сворачивает к тротуару и паркуется напротив перегороженной воротами подъездной дорожки. На одном из каменных столбов табличка с номером 739.

Дорожка асфальтированная и шириной не уступает улице, к которой дом обращен фасадом. На воротах большой плакат с надписью «ПРОДАЕТСЯ». Ниже покупателей с серьезными намерениями приглашают обратиться в «ЛУЧШИЕ ДОМА – РИЕЛТОРСКОЕ АГЕНТСТВО МАЙКЛА ЗАФРОНА». Ходжес думает, что плакат этот какое-то время повисит, учитывая состояние рынка жилья в год 2010-й от Рождества Христова. Но кто-то продолжает скашивать траву, а учитывая размеры лужайки, для этого требуется газонокосилка размером побольше, чем ходжесовский «Лаун-бой».

Кто платит за поддержание лужайки и, вероятно, дома в идеальном состоянии? Должно быть, наследники миссис Ти. Она, конечно, купалась в деньгах. Он припоминает, что такой дом в этом районе стоит порядка семи миллионов долларов. Впервые после ухода на пенсию, после того, как он передал расследование нераскрытого преступления, названного Бойней у Городского центра, Питу Хантли и Изабель Джейнс, Ходжес задается вопросом, а жива ли мать миссис Ти? Он помнит, что сколиоз согнул старушку пополам, вызывая дикие боли... но сколиоз – болезнь не смертельная. И разве не было у Оливии Трелони сестры, которая жила где-то на западе?

Он роется в памяти в поисках фамилии сестры, но результата нет. Вспоминает другое: Пит прозвал Оливию Трелони миссис Нерва, потому что она непрерывно одергивала одежду, оглаживала и без того уложенные волосы, теребила золотой браслет часов «Патек Филипп», поворачивая и поворачивая его на костлявом запястье. Ходжесу она не нравилась; Пит был близок к тому, чтобы презирать ее. Так что они испытали бы чувство глубокого удовлетворения, возложив на нее хотя бы часть вины за случившееся у Городского центра. Она, в конце концов, вооружила этого парня. Какие могли быть в этом сомнения? Когда миссис Ти покупала «мерседес», ей дали два ключа, но предъявить она смогла только один.

Потом, перед самым Днем благодарения, самоубийство.

Ходжес четко помнит, что сказал Пит, когда они получили эту новость: «Если она встретит убитых на той стороне, особенно эту Крей и ее малышку, ей придется ответить на несколько

серьезных вопросов». Для Пита самоубийство стало окончательным подтверждением: где-то в глубинах сознания миссис Ти отдавала себе отчет, что оставила ключ в замке зажигания машины, которую называла Серой леди.

Тогда Ходжес тоже в это верил. Теперь предстоит определиться: верит ли он по-прежнему? Или ядовитое письмо, полученное вчера от признающего вину Мерседеса-убийцы изменило его точку зрения?

Может, и нет, но письмо вызывает вопросы. Допустим, Мистер Мерседес отправил аналогичное послание миссис Трелони? Миссис Трелони со всеми ее тиками и комплексами, которые скрывались под тонкой пленочкой уверенности в собственной правоте. Или такое невозможно? Мистер Мерседес, конечно же, знал о злости и презрении, которые обрушила на миссис Трелони широкая общественность после трагедии у Городского центра. Свидетельства тому – на странице «Письма редактору» многих номеров местной газеты.

Возможно ли?..

Но тут поток его мыслей прерывается, потому что подъехал автомобиль и остановился сзади, так близко, что едва не коснулся бампера «тойоты». Мигалок на крыше нет, однако это последняя модель «краун-виктории», синего цвета. Из-за руля вылезает крепкий мужчина с короткой стрижкой, спортивный пиджак, несомненно, скрывает пистолет в наплечной кобуре. Будь это городской детектив, Ходжес сказал бы, что в кобуре «глок» сорокового калибра, не отличающийся от того, что лежит в его домашнем сейфе. Но мужчина – не городской детектив. Ходжес по-прежнему знает всех.

Он опускает стекло.

– Добрый день, сэр, – здоровается Короткая Стрижка. – Могу я узнать, что вы тут делаете? Вы стоите здесь достаточно давно.

Ходжес смотрит на часы и убеждается, что это правда. Почти половина пятого. С учетом плотного транспортного потока в центре города ему сильно повезет, если он успеет вернуться домой к «Вечерним новостям» Си-би-эс со Скоттом Пелли. Раньше он отдавал предпочтение Эн-би-си, пока не решил, что Брайан Уильямс – слишком добродушный балбес, да еще обожающий ролики с «Ю-тьюб». Не тот ведущий выпуска новостей, которого хочется видеть, когда мир разваливается...

– Сэр? Искренне надеюсь на ответ. – Короткая Стрижка наклоняется, полы пиджака распахиваются. Не «глок», а «ругер». По мнению Ходжеса, оружие ковбоев.

– А я искренне надеюсь, – отвечает Ходжес, – что у вас есть право спрашивать.

Брови его собеседника изумленно поднимаются.

– Простите?

– Я думаю, что вы из частного охранного агентства, – терпеливо объясняет Ходжес, – но хочу увидеть удостоверение. А знаете, что потом? Я хочу увидеть разрешение на скрытое ношение пушки, которая у вас под пиджаком. И будет лучше, если оно в вашем бумажнике, а не в бардачке вашего автомобиля, иначе вы нарушаете положение главы девятнадцать городского кодекса, регулирующего все вопросы, связанные с огнестрельным оружием, в которой, если коротко, указано: «Если вы скрыто носите оружие, то должны иметь при себе *разрешение* на скрытое ношение оружия». Так что давайте поглядим на ваши бумаги.

Короткая Стрижка хмурится все сильнее.

– Вы коп?

– На пенсии, – отвечает Ходжес, – но это не означает, что я забыл как свои права, так и ваши обязанности. Пожалуйста, позвольте взглянуть на ваше удостоверение и разрешение на ношение оружия. Вы не обязаны передавать их мне...

– Вы правы, черт побери, не обязан.

– ...но я хочу их видеть. А потом мы сможем обсудить мое присутствие на Лайлак-драйв.

Короткая Стрижка обдумывает его слова, но лишь несколько секунд. Потом достает бумажник и раскрывает его. В этом городе – как и в большинстве других, полагает Ходжес – сотрудники охранных агентств не делят копов на бывших и действующих, потому что у пенсионеров хватает друзей среди тех, кто служит, а уж они-то могут сильно усложнить жизнь, только дай повод. Выясняется, что парня зовут Рэдни Пиплс и он – сотрудник охранного агентства «Всегда начеку». Он также показывает Ходжесу разрешение на скрытое ношение оружия, и оно действительно до июня 2012 года.

– Рэдни – не Родни, – комментирует Ходжес. – Как Рэдни Фостер, который поет кантри. Пиплс-Фостер широко улыбается.

– Совершенно верно.

– Мистер Пиплс, меня зовут Билл Ходжес, я закончил службу детективом первого класса, и моим последним большим делом был Мерседес-убийца. Полагаю, теперь вы представляете себе, что я здесь делаю.

– Миссис Трелони, – отвечает Пиплс-Фостер и уважительно отступает на шаг, когда Ходжес открывает водительскую дверцу, вылезает из «тойоты» и потягивается. – Небольшая прогулка по Аллее памяти, детектив?

– В эти дни я просто мистер. – Ходжес протягивает руку, Пиплс ее пожимает. – В остальном вы правы. Мы с миссис Трелони ушли практически одновременно, только я со службы, а она из жизни.

– Грустная история, – кивает Пиплс. – Знаете, подростки забрасывали ее ворота яйцами. И не только на Хэллоуин. Три или четыре раза. Одних мы поймали, другие... – Он качает головой. – Плюс туалетная бумага.

– Да, они это любят, – соглашается Ходжес.

– И однажды ночью кто-то разрисовал левый столб ворот. Мы позаботились, чтобы она этого не увидела, и я рад. Знаете, что на нем написали?

Ходжес качает головой.

Пиплс понижает голос:

– «МАНДА-УБИЙЦА», большими печатными буквами с потеками. Что абсолютно несправедливо. Она опростоволосилась, вот и все. Как будто такое время от времени не случается с каждым из нас.

– Со мной – нет, будьте уверены, – говорит Ходжес.

– Да, конечно, но в Библии сказано: пусть первым бросит камень тот, кто без греха.

«Хотел бы я на это посмотреть», – думает Ходжес и спрашивает (с искренним любопытством):

– Вам она нравилась?

Взгляд Пиплса произвольно смещается вверх и влево. За годы работы Ходжес видел такое множество раз. В комнатах для допросов. Это означает, что Пиплс или уйдет от прямого ответа, или солжет.

Он выбирает первый вариант:

– Знаете, на Рождество она относилась к нам по-доброму. Иногда путала имена, но знала нас всех, и мы получали по сорок долларов и бутылке виски. *Хорошего* виски. А что мы видели от ее мужа? – Он фыркает. – Десять баксов в конверте с открыткой от «Холлмарка», это все, что нам доставалось, когда балом правил тот господин.

– На кого именно работает «Всегда начеку»?

– На Ассоциацию домовладельцев Шугар-Хайтс. Знаете, одна из организаций, образованных соседями. Они оспаривают территориальные ограничения, которые им не нравятся, следят за тем, чтобы все живущие здесь придерживались определенных... э... стандартов, если можно так сказать. Местных правил очень много. К примеру, на Рождество можно зажигать белые лампочки, но не цветные. И они не должны мигать.

Ходжес закатывает глаза. Пиплс улыбается. Теперь от антагонизма они перешли к сотрудничеству, стали – почти – коллегами, и почему? Потому что Ходжес удачно прокомментировал чуть отличающееся от обычного имя охранника. Вы можете называть это везением, но существует нечто, позволяющее встать на одну сторону с человеком, которого вы собираетесь допросить, и отчасти успех Ходжеса на полицейском поприще объяснялся тем, что ему удавалось найти это *нечто*, если не всегда, то в большинстве случаев. Пит Хантли подобным талантом не обладал. Ходжес рад, что после ухода на пенсию умение по-прежнему служит ему верой и правдой.

– Кажется, у нее была сестра, – говорит он. – Я про миссис Трелони.

– Джанель Паттерсон, – без запинки отвечает Пиплс.

– Как я понимаю, вы с ней знакомы.

– Да, конечно. Она хороший человек. Похожа на миссис Трелони, но моложе и симпатичнее. – Его руки обводят некую фигуру. – Не такая худая. Вы, часом, не знаете, мистер Ходжес, есть ли прогресс в деле «мерседеса»?

На такой вопрос Ходжес ответа обычно не давал, но если хочешь получить информацию, необходимо ею и делиться. И теперь он в выгодном положении, поскольку никакой информации нет. Он повторяет фразу, которую услышал от Пита Хантли несколькими часами ранее:

– Тишь да гладь.

Пиплс кивает, словно ничего другого и не ожидал.

– Спонтанное преступление. Никаких связей с жертвами, никакого мотива, просто дьявольская жажда убивать. Единственный шанс поймать его – если он сделает это вновь, вы так не думаете?

Мистер Мерседес говорит, что повторения не будет, думает Ходжес, но этой информацией он делиться не собирается, поэтому соглашается. Согласие с коллегой всегда воспринимается положительно.

– Миссис Ти оставила большое наследство, – продолжает Ходжес, – и я говорю не только о доме. Как я понимаю, все отошло сестре.

– Да, – кивает Пиплс. Делает паузу, а потом произносит фразу, которую в не столь уж далеком будущем скажет Ходжес в разговоре с совсем другим человеком: – Могу я рассчитывать, что это останется между нами?

– Да. – На подобный вопрос наилучший ответ – простой. Никаких уточнений.

– Эта Паттерсон жила в Лос-Анджелесе, когда ее сестра... вы знаете. Таблетки.

Ходжес кивает.

– Замужем, детей нет. Семейная жизнь не сложилась. Узнав, что она унаследовала мегабаксы и дом в Шугар-Хайтс, Джанель мгновенно развелась с мужем и перебралась на восток. – Пиплс указал на ворота, асфальтовую подъездную дорогу и особняк. – Прожила здесь пару месяцев, до утверждения судом права наследования. Сблизилась с миссис Уилкоккс, которая живет в доме шестьсот сорок. Миссис Уилкоккс любит поговорить и видит во мне друга.

Под этим могло подразумеваться что угодно, от чаепития до дневного секса.

– Миз Паттерсон стала ездить к матери, которая жила в кондоминиуме в центре города. Вы знаете о матери?

– Элизабет Уэртон, – отвечает Ходжес. – Я как раз задался вопросом, жива ли она.

– Я практически уверен, что да.

– Дело в том, что ее сильно донимал сколиоз. – Ходжес сгибается, чтобы показать, о чем речь. Если хочешь получать, надо и отдавать.

– Да? Тяжелое дело. Короче, Элен... миссис Уилкоккс... говорит, что миз Паттерсон регулярно навещала мать, так же, как миссис Трелони. Но месяц тому назад или около того матери стало хуже, и теперь, как я понимаю, она в доме престарелых в Варшавском округе. Миз Паттерсон перебралась в кондоминиум. Там она сейчас и живет. Я, правда, изредка вижу ее.

Последний раз – неделю тому назад, когда риелтор показывал дом потенциальному покупателю.

Ходжес приходит к выводу, что получил от Рэдни Пиплса предостаточно.

– Спасибо, что ввели в курс дела. Я поеду. Извините, что поначалу наши отношения не заладились.

– Пустяки, – отвечает Пиплс и крепко пожимает протянутую руку Ходжеса. – Вы вели себя как истинный профессионал. Только помните, я вам ничего не говорил. Джанель Паттерсон, может, и живет в центре, но она по-прежнему член Ассоциации, то есть клиент.

– Вы не произнесли ни слова. – Ходжес усаживается за руль. Он надеется, что муж Элен Уилкокс не застанет женушку и этого здоровяка в постели, если у них действительно так повелось. В этом случае охранное агентство «Всегда начеку» наверняка лишится выгодного контракта с Ассоциацией, а Пиплса тут же уволят. В этом сомнений быть не может.

«А может, она иногда подходит к его автомобилю, чтобы угостить свежее испеченной булочкой, – думает Ходжес, отъезжая. – Ты слишком часто смотришь дневную программу этого нациста, который выдает себя за семейного психолога».

Но любовная жизнь Рэдни Пиплса не имеет для него никакого значения. Что имеет – и Ходжес, направляясь к своему куда более скромному дому в Уэст-Сайде, об этом размышляет, – так это следующие факты: Джанель Паттерсон унаследовала состояние своей сестры, Джанель Паттерсон живет в городе (уже какое-то время) и Джанель Паттерсон как-то распорядилась вещами ушедшей Оливии Трелони. В том числе и личными бумагами, а в них, возможно, есть письмо – как знать, может, и не одно – от этого урода, написавшего Ходжесу. Если такие письма существуют, ему хочется на них взглянуть.

Разумеется, это дело полиции, а К. Уильям Ходжес больше не полисмен. Этот путь уводит его все дальше за грань закона, и Ходжес прекрасно это понимает – прежде всего он скрывает от следствия важную информацию, – но у него нет ни малейшего желания останавливаться. Самодовольная наглость этого урода вывела Ходжеса из себя. И он признает: ему это только на руку. Появилась какая-то цель, а после нескольких месяцев, проведенных у телевизора, это великое благо.

«Если мне удастся чуть продвинуться, я, конечно же, передам все Питу», – убеждает он себя.

Когда эта мысль мелькает у него в голове, он не смотрит в зеркало заднего вида, а если бы смотрел, увидел бы, как его взгляд на мгновение сместился вверх и влево.

4

Ходжес паркует «тойоту» слева от дома под навесом, который служит ему гаражом, и, прежде чем пойти к двери, замирает на несколько мгновений, чтобы насладиться видом только что выкошенной лужайки. Потом находит записку, торчащую из щели для почты. Первая его мысль о Мистере Мерседесе, но Ходжес тут же понимает, что это чересчур смело даже для такого урода.

Записка от Джерома. Аккуратный почерк дико контрастирует с преднамеренной безграмотностью:

Дорогой масса Ходжес!

Я косить ваша лужайка и ставить косилка под ваш навес. Надеюсь, вы ее не раздавите, са! Если у вас есть другой работа для этот хороший черный мальчик, звякните на моя труба. Я быть счастлив говорить с вами, если не занят с одной из моих лошадей. И вы знать, они требовать много

работы и иногда их надо одернуть, ведь они могут взбрыкнуть, особенно те, что красивые. Я всегда радоваться слышать вас, са!

Джером

Ходжес устало качает головой, но не может сдержать улыбку. Его наемный работник получает одни пятерки по алгебре, может заменить отвалившийся сточный желоб, приводит в порядок электронную почту Ходжеса, если та начинает артачиться (зачастую – благодаря неумелым действиям владельца); заменить кран для него – пара пустяков, он хорошо говорит по-французски, а если спросить его, что он читает, в ответ он будет полчаса утомлять тебя рассуждениями о чертовом символизме Д. Г. Лоуренса. Он не хочет быть белым, но его угораздило родиться одаренным черным в семье, принадлежащей к верхнему эшелону среднего класса, и в итоге он столкнулся, по его терминологии, с «вызовом самоидентификации». Он говорит об этом вроде бы в шутку, да только Ходжес ему не верит. Похоже, это действительно проблема.

Отец Джерома, университетский профессор, и мать, дипломированный бухгалтер, – у обоих, по мнению Ходжеса, с чувством юмора нелады, – несомненно, ужаснутся, увидев эту записку. Могут даже прийти к выводу, что их сын нуждается в услугах консультанта-психоаналитика. Но от Ходжеса они ни о чем таком не узнают.

– Джером, Джером, Джером, – говорит он, входя в дом. Джером и его «занят с лошадьми». Джером, который не может решить – во всяком случае, пока, – в какой из колледжей «Лиги плюща» он хочет поступать; в том, что возьмут его в любой, сомнений нет. Он – единственный человек в округе, которого Ходжес считает другом, и, если на то пошло, одного вполне достаточно. Ходжес уверен, что значение дружбы преувеличено – и в этом, пусть и только, схож с Брейди Хартсфилдом.

Он успевает к вечернему выпуску новостей, но решает, что может обойтись без них. Уже наслушался и о разливе нефти в заливе, и о политике Движения чаепития. Поэтому включает компьютер, запускает «Файрфокс», набивает в поисковой строке «**Под синим зонтом Дебби**». Ссылок только шесть, очень маленький улов в кишасем рыбой море Интернета, и лишь одна полностью соответствует запросу. Ходжес открывает ее, и на экране появляется картинка.

Под тяжелыми дождевыми облаками – склон холма в сельской глубинке. Дождь – простенькая циклическая анимация, решает Ходжес – льет и льет. Но два человека, молодой мужчина и молодая женщина, сидящие под большим синим зонтом, в полной безопасности и совершенно сухи. Они не целуются, однако близко склонили головы. Судя по всему, о чем-то увлеченно беседуют.

Под картинкой – короткое *raison d'être*²⁰ «Синего зонта»:

В отличие от таких сайтов, как «Фейсбук» и «Линкедин», «Под синим зонтом Дебби» – сайт-чат, где старые друзья могут встречаться, а новые – знакомиться друг с другом в условиях ПОЛНОЙ ГАРАНТИРОВАННОЙ АНОНИМНОСТИ. Никаких картинок, никакого порно, никаких 140-символьных твиттеров, только ДОБРАЯ СТАРОМОДНАЯ БЕСЕДА.

Ниже – кнопка с призывом «НАЧНИ ПРЯМО СЕЙЧАС». Ходжес передвигает на нее курсор, но колеблется. Примерно шестью месяцами ранее Джерому пришлось удалить старый адрес его электронной почты и заменить на новый, потому что все, кто значился в адресной книге Ходжеса, получили одинаковое послание: он застрял в Нью-Йорке, у него украли бумажник со всеми кредитными карточками, ему нужны деньги, чтобы добраться домой. Получателю электронного письма предлагалось отправить пятьдесят долларов – или больше, если он или

²⁰ Политическое кредо (фр.).

она могли себе такое позволить – в «Мейл боксес этс.» в Трибеке. «Я верну деньги, как только выберусь из этой передряги», – такой фразой заканчивалось послание.

Ходжес сильно расстроился, потому что это электронное требование получили и его бывшая, и брат в Толедо, и более сорока полицейских, с которыми он работал долгие годы. И его дочь. Он ожидал, что телефоны – и городской, и мобильный – будут разрываться от звонков, но позвонили лишь несколько человек, и только в голосе Элисон он услышал искреннюю озабоченность. Его это не удивило. Элли, пессимистка по натуре, ожидала, что с ее отцом может что-то случиться, с тех пор как ему исполнилось пятьдесят пять.

Ходжес призвал на помощь Джерома, и тот объяснил, что он стал жертвой фишинга.

– Большинство людей, которые выуживают ваш адрес, просто хотят продать виагру или поддельные драгоценности, но я сталкивался и с таким мошенничеством. Это случилось с моим учителем по охране окружающей среды, и ему пришлось вернуть чуть ли не тысячу баксов. Разумеется, речь о давних временах, теперь все поуменьли...

– Давние времена – это когда, Джером?

Джером пожал плечами.

– Два-три года назад. Теперь у нас новый мир, мистер Ходжес. Благодарите Бога, что фишер не подсадил вам вирус, который уничтожил бы все ваши файлы и программы.

– Я бы немного потерял, – ответил Ходжес. – В основном я просто брожу по Сети. Хотя нет, мне недоставало бы компьютерного пасьянса. Когда я выигрываю, звучит мелодия «Счастливые дни вернулись вновь».

В ответ он получил фирменный взгляд Джерома: «я-слишком-вежлив-чтобы-назвать-вас-чурбаном-сэр».

– А как насчет налоговой декларации? В прошлом году я помогал вам заполнять ее онлайн. Вы хотите, чтобы кто-то еще увидел, сколько вы платите дяде Сэму? Кроме меня, разумеется?

Ходжес признал, что не хочет.

И особым (как ни странно, приятным) педагогическим тоном, на который этот интеллигентный юноша переходил всегда, когда предоставлялась возможность поучить старого чайника, Джером продолжил: «Ваш компьютер – не просто новый вид телика. Выбросьте эту мысль из головы. Включая его, вы всякий раз открываете окно в вашу жизнь. Если, конечно, кому-то захочется туда заглянуть».

Все это проносится в его голове, когда он смотрит на синий зонт и падающие капли дождя. Пронесаются и другие мысли, рожденные той частью разума, что занималась расследованиями. Совсем недавно она крепко спала, а теперь проснулась и бодрее как никогда.

Может, Мистер Мерседес хочет поговорить? С другой стороны, вдруг он действительно хочет заглянуть в окно, упомянутое Джеромом?

И вместо того чтобы кликнуть «НАЧНИ ПРЯМО СЕЙЧАС», Ходжес уходит с сайта, берет мобильник, нажимает одну из кнопок быстрого набора. В этот режим у него внесено лишь несколько номеров. Он слышит голос матери Джерома. После короткой и приятной болтовни ни о чем она передает трубку мистеру Конюху.

Ходжес тоже пытается перейти на язык конюшни:

– Эй, друга, ты держать своих кобылок в узде? Они зарабатывать? Ты представлять?

– О, привет, мистер Ходжес. Да, все хорошо.

– Тебе не нравится, когда я так говорить по трубе, браток?

– Э...

Джером явно сбит с толку, и Ходжес его жалеет.

– Лужайка выглядит потрясающе.

– Да? Я рад. Спасибо. Могу я что-нибудь еще для вас сделать?

– Скорее да, чем нет. Не мог бы ты заглянуть ко мне завтра после школы? Одна компьютерная проблема.

– Конечно. А что на этот раз?

– Я бы не хотел говорить об этом по телефону, но, думаю, тебе будет интересно. В четыре часа?

– Договорились.

– И сделай мне одолжение, оставь тайронских²¹ массу и са дома.

– Хорошо, мистер Ходжес, будет исполнено.

– И когда ты просветлишься и начнешь называть меня Билли? «Мистер Ходжес» звучит так, будто я – твой учитель по американской истории.

– Может, когда закончу школу, – совершенно серьезно отвечает Джером.

– Главное, чтобы ты знал, что можешь перейти на «Билли» в любой момент.

Джером смеется. Смех у него отличный, такой заразительный. У Ходжеса поднимается настроение всякий раз, когда он его слышит.

Он сидит за компьютерным столом в кабинете-клетушке, барабанит пальцами, думает. Вдруг ему в голову приходит мысль, что по вечерам он эту комнату практически не использует. Если просыпается в два часа ночи и не может заснуть – тогда другое дело. Приходит сюда и где-то с час раскладывает пасьянсы, прежде чем вернуться в постель. С семи вечера до полуночи он обычно в старом кресле, смотрит старые фильмы, которые показывают по Эй-эм-си и Ти-си-эм, и набивает живот жирным и сладким.

Он вновь берет телефон, набирает номер справочной и спрашивает у робота на другом конце, знает ли тот номер телефона Джанель Паттерсон. Особых надежд Ходжес не питает: теперь сестра миссис Трелони – разведенная обладательница дома стоимостью семь миллионов, так что практически наверняка сменила прежний номер на другой, который в списках не значится.

Но робот выкашливает номер. Ходжес так удивлен, что ему приходится искать ручку, а потом нажимать кнопку «2» для повтора. Он снова барабанит пальцами, обдумывая, как подступиться к Джанель Паттерсон. Возможно, проку от этого не будет, но именно таким стал бы его следующий шаг, служи он в полиции. Поскольку он в ней не служит, требуется найти убедительный повод.

И он изумлен радостью, которую ощущает, столкнувшись с необходимостью решить эту проблему.

5

Брейди заранее звонит в «Пиццерию Сэмми» и по пути домой забирает маленькую пиццу с пепперони и грибами. Если бы надеялся, что мать съест пару кусков, взял бы пиццу побольше, но знает: это вряд ли.

«Может, будь эта пицца с пепперони и водкой, – думает он. – Если бы они продавали такую, я бы пропустил среднюю и сразу заказал большую».

Дома в Норт-Сайде в основном типовые. Их построили между Кореей и Вьетнамом, а это означает, что выглядят они одинаково и все постепенно превращаются в говно. Перед большинством на лужайках, заросших ползучими сорняками, валяются пластмассовые игрушки, хотя почти стемнело. Хартсфилды живут в доме 49 по Элм-стрит, улице Вязов, хотя никаких вязов здесь нет и скорее всего никогда не было. Просто в этой части города – раньше ее знали как Северное поле – улицам давали названия в честь деревьев.

²¹ Тайрон – собирательное имя для чернокожих мужчин.

Брейди паркуется впритык к ржавеющей материной «хонде», которой требуется новая выхлопная система, новые тормозные колодки и новые свечи. Не говоря уж о наклейке инспектора технического контроля.

Пусть *сама* об этом заботится, думает он. Но она палец о палец не ударит. Придется заботиться ему. И он позаботится. Как заботится обо всем остальном.

Как позаботился о Фрэнки, думает он. Давно, когда подвал был подвалом, а не командным пунктом.

Брейди и Дебора Энн Хартсфилд не говорят о Фрэнки.

Дверь заперта. Хотя бы этому он ее научил, пусть, Бог свидетель, было непросто. Она относится к тем людям, которые думают, что слово «ладно» решает все жизненные проблемы. Говоришь ей: *Поставь пакет молока обратно в холодильник, после того как налила себе стакан.* И она соглашается. А когда приходишь домой – пакет стоит на столешнице, и молоко прокисло. Говоришь ей: *Пожалуйста, постирай белье, чтобы завтра я мог надеть чистую униформу продавца мороженого,* – и она снова соглашается. А когда вечером заглядываешь в комнату-прачечную – все по-прежнему в корзине.

Его приветствуют голоса из телика. Что-то насчет проверки иммунитета, то есть она смотрит реалити-шоу «Последний герой». Он пытался объяснить ей, что все это лажа, обман. Она отвечает: да, конечно, так и есть, – но все равно смотрит.

– Я дома, мама!

– Привет, милый! – Язык лишь слегка заплетается, и это хороший признак, учитывая, который час. «Будь я ее печению, – думает Брейди, – выпрыгнул бы ночью через открытый храпящий рот и удрал бы куда подальше».

Тем не менее, входя в гостиную, он ощущает, как внутри что-то трепещет от предвкушения, а это он ненавидит. Она сидит на диване в белом шелковом халате, который он подарил ей на Рождество, и он видит еще кусочек белого между распахнувшимися на бедрах полами. Ее нижнее белье. Он отказывается использовать слово «трусики» применительно к матери, оно слишком сексуальное, но слово это все равно копошится в глубинах сознания: змея, прячущаяся в ядовитом сумахе. И он видит маленькие круглые тени ее сосков. Все это не должно его возбуждать: ей под пятьдесят, она начинает расплываться в талии, она, в конце концов, *его мать* – но...

Но.

– Я принес пиццу, – говорит он, поднимая коробку, и мысленно отвечает за нее: «Я уже поела».

– Я уже поела, – произносит она. Вероятно, так оно и есть. Несколько листочков салата и чуть-чуть йогурта. Так она бережет то, что осталось от ее фигуры.

– Это твоя любимая, – говорит он, думая: «Съешь ее сам, милый».

– Съешь ее сам, дорогой. – Она поднимает стакан и делает маленький глоток, как и положено даме. Пить залпом она начнет позже, когда он ляжет в кровать и она решит, что он уже заснул. – Возьми себе колу и посиди со мной. – Она похлопывает по дивану. Полы халата раскрываются чуть шире. Белый халат, белые трусики.

«Нижнее белье, – напоминает он себе. – Нижнее белье, только так, она моя мать, она мама, а когда речь о моей маме – только нижнее белье».

Она видит, куда он смотрит, и улыбается. Не поправляет халат.

– В этом году они выживают на Фиджи. – Она хмурится. – Я думаю, это Фиджи. Во всяком случае, один из этих островов. Иди сюда, давай посмотрим вместе.

– Нет, пожалуй, я пойду вниз и немного поработаю.

– Какой проект на этот раз, милый?

– Новый вид маршрутизатора. – Она не отличит маршрутизатор от видеорегистратора, поэтому он ничем не рискует.

– Когда-нибудь одно из твоих изобретений сделает нас богатыми, – говорит она. – Я знаю. И тогда – прощай, магазин электроники. Прощай, фургон мороженого. – Смотрит на него широко раскрытыми глазами, лишь чуть затуманенными водкой. Он не знает, сколько она выпивает в обычный день – ему не удастся подсчитать бутылки, поскольку пустые она прячет, – но понятно, что пьянеет она все быстрее.

– Спасибо, – отвечает он. Испытывает удовольствие, пусть ему этого и не хочется. Испытывает кое-что еще, чего ему совсем не хочется.

– Поцелуй свою мамочку, красавчик.

Он подходит к дивану, прилагая усилия, чтобы не заглянуть в разрез халата, и стараясь игнорировать ощущения пониже пряжки ремня. Она отворачивается в сторону, а когда он наклоняется, чтобы поцеловать ее в щеку, поворачивает голову обратно и прижимает полуоткрытые влажные губы к его рту. Он улавливает запах спиртного и аромат ее духов. Она всегда душит за ушами. Душится и в других местах.

Она кладет ладонь ему на загривок и пальцами ерошит волосы, отчего по спине бегут мурашки. Прикасается кончиком языка к его верхней губе, только на мгновение – было и уже нет, – потом отстраняется и смотрит на него широко раскрытыми глазами старлетки.

– Мой красавчик, – выдыхает она совсем как героиня какого-нибудь пустопорожнего романтического фильма, где мужчины размахивают мечами, а женщины носят платья с низким вырезом, из которого чуть ли не вываливаются их бифера.

Он торопливо отстраняется. Она улыбается ему, потом вновь смотрит в телевизор: симпатичные молодые люди в купальниках и плавках бегут по берегу. Он открывает коробку с пищей – руки слегка дрожат, – вынимает один кусок и кладет в ее пустую салатную миску.

– Съешь, – говорит он. – Пицца свяжет спиртное. Хотя бы какую-то часть.

– Не груби мамочке, – отвечает она беззлобно и безо всякой обиды. Рассеянно запахи халат, уже с головой уйдя в мир выживающих, стремясь понять, кого выгонят с острова на этой неделе. – И не забудь про мой автомобиль, Брейди. Ему нужна наклейка инспектора.

– Ему нужна не только наклейка. – С этими словами он уходит на кухню. Берет из холодильника колу, открывает дверь в подвал. Какое-то время стоит в темноте, потом произносит одно слово: «Контроль». Внизу вспыхивают флуоресцентные лампы (он установил их сам, когда полностью отремонтировал подвал).

У подножия лестницы он думает о Фрэнки. Он почти всегда это делает, когда стоит на том месте, где умер Фрэнки. Он не думал о нем только в тот период, когда готовил наезд у Городского центра. В те недели все постороннее ушло из головы, и какое же он испытывал облегчение.

«Брейди», – сказал Фрэнки. Его последнее слово на планете Земля. Стоны и бульканье в горле не в счет.

Он ставит коробку с пищей и колу на верстак, который занимает середину подвала, потом идет в маленький туалет и снимает брюки. Он не может есть, не может работать над новым проектом (и это точно не маршрутизатор), не может думать, не покончив с одним более срочным делом.

В своем письме жирному экс-копу он заявил, что, врезавшись на автомобиле в толпу безработных у Городского центра, так сексуально возбудился, что надел кондом. А потом добавил, что мастурбировал, вновь и вновь переживая случившееся. Будь это правдой, у слова «аутоэротизм» появилось бы новое значение, но он солгал. В том письме было много лжи, и каждая ложь преследовала цель еще сильнее завести Ходжеса. Его фальшивые секс-фантазии не являлись чем-то особенным.

Если на то пошло, интереса к девушкам он не испытывает, и девушки это чувствуют. Вероятно, по этой причине он так славно ладит с Фредди Линклэттер из «Дисконт электроники», лесбиянкой и коллегой по киберпатрулю. Насколько известно Брейди, она скорее всего

думает, что *он* – гей. Однако он вовсе не гей. Он по большей части загадка для самого себя сам – фронт окклюзии²², – но одно он знает наверняка: он не асексуален, во всяком случае, не полностью. Он и его мать разделяют великий секрет, о котором нельзя думать без абсолютной на то необходимости. Когда она возникает, приходится с ней разобраться и вновь спрятать ее в дальний ящик.

«Мама, я вижу твои трусики», – думает он и как можно скорее заканчивает с насущным делом. В аптечке есть вазелин, но он его не использует. Хочет, чтобы продирало.

6

Вернувшись в просторный подвал, Брейди произносит еще одно слово, на этот раз – *хаос*.

К дальней стене командного пункта, примерно в трех футах над полом, крепится длинная полка. На ней в ряд стоят семь раскрытых ноутбуков с темными экранами. Перед полкой – стул на колесиках, позволяющий Брейди перемещаться от одного компьютера к другому. Произнесенное волшебное слово оживляет их все. На каждом экране появляется число 20, потом 19, потом 18. Если позволить обратному отсчету дойти до нуля, запустится программа самоуничтожения, которая сотрет всю информацию, хранящуюся на жестких дисках, и заменит белибердой.

– Тьма, – говорит Брейди, и числа исчезают, уступая место обычным заставкам. У Брейди это кадры «Дикой банды», его любимого фильма.

Он пытался использовать *апокалипсис* и *Армагеддон*, по его мнению, куда более подходящие стартовые слова, в которых звенит ожидающий человечество конец, но у программы распознавания речевых команд возникли с ними проблемы, а ему меньше всего хочется восстанавливать файлы из-за глупого сбоя. Одно- и двусложные слова гораздо безопаснее. Впрочем, на жестких дисках шести из семи компьютеров ничего важного нет. Только Номер три содержит, по терминологии жирного экс-копа, «инкриминирующую информацию», но Брейди нравится смотреть на впечатляющую демонстрацию компьютерной мощи, на все эти освещенные экраны. С ними подвал действительно выглядит командным пунктом.

Брейди считает себя как созидателем, так и разрушителем, но знает, что пока ему не удалось создать ничего такого, что заставило бы ахнуть весь мир, и его не оставляет мысль, что в будущем ситуация не улучшится. То есть созидатель он, по правде сказать, второсортный.

Взять, к примеру, «Роллу». Идея сверкнула в голове одним вечером, когда он пылесосил гостиную (как и стирку, это занятие его мать считает ниже своего достоинства). Он нарисовал устройство, напоминающее скамейку для ног, только на колесиках, с моторчиком и всасывающим шлангом на днище. Простая компьютерная программа, предположил Брейди, позволила бы «Ролле» передвигаться по комнате, всасывая пыль. При столкновении с препятствием «Ролла» сам по себе изменял бы направление движения.

И он уже начал собирать прототип, когда увидел аналог его «Роллы», деловито кружащий в витрине одного из самых дорогих магазинов бытовой техники в центре города. Даже название было похоже: «Румба». Кто-то опередил его, и этот кто-то, вероятно, теперь зарабатывал миллионы. Несправедливо, конечно, но кому пожалуешься? Жизнь – паршивая ярмарка с хреновыми призами.

Он оснастил все телевизоры в доме самодельными декодерами, а это означало, что теперь Брейди с матерью могли смотреть бесплатно не только базовый пакет каналов кабельного телевидения, но и все платные (включая несколько экзотических, таких как «Аль-Джазира») – и «Тайм Уорнер», «Комкаст» или «ИКСФИНТИ» ничего не могли с этим поделать. Он перена-

²² Фронт окклюзии – сложный фронт, который образовывается в результате смыкания холодного и теплого фронтов циклона.

строил DVD-плеер, и теперь на нем можно просматривать диски, предназначенные не только для продажи в Штатах, но и для всего остального мира. Не такая сложная задача: несколько команд, в быстрой последовательности отданных с пульта дистанционного управления, плюс шестизначный идентификационный код. В теории звучит отлично, но используется ли на практике? В доме сорок девять по Элм-стрит – точно нет. Мама смотрит только то, что скармливают ей большими ложками четыре ведущие телекомпании, а Брейди постоянно занят: на двух работах или в командном пункте, где у него *настоящая*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.